

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО.

I.

Гости изъ Варшавы.—Мои умственные занятія.—Рѣшеніе бѣжать въ Варшаву.—
Бѣгство.—Редакція «Варшавскаго Курьера» и Шимаховскій.—
На новой квартирѣ.

ВЪ ТОМЪ 1880 года къ намъ въ деревню (Минской губ., Бобруйскаго уѣзда) пріѣхали погостить мои три двоюродныя сестры, дѣвушки 14—20 лѣтъ, изъ Варшавы, гдѣ мать ихъ имѣла большой модный магазинъ. Разсказами о прелестяхъ варшавской жизни онѣ разжигали мое и безъ того пылкое воображеніе. То и дѣло слышалось: «у насъ въ Варшавѣ...», «вотъ посмотрѣлъ бы ты въ Варшавѣ...», «въ это время въ Варшавѣ...» и т. п.

Мнѣ шелъ 17-й годъ, и года черезъ три я долженъ былъ кончить слущкую гимназію, гдѣ считался ученикомъ способнымъ, но мало прилежнымъ и нетрудолюбивымъ. Пристрастившись очень рано къ чтенію, я уже успѣлъ ознакомиться съ большинствомъ лучшихъ міровыхъ писателей, такъ какъ библіотека наша была разнообразна и пополнялась часто. Кромѣ нея, я имѣлъ доступъ и къ сосѣднимъ библіотекамъ, изъ которыхъ одна, пастора Бергеля въ Слуцкѣ, пользовалась очень широкой извѣстностью, такъ какъ обладала массой рѣдкихъ изданій XVIII и даже XVII столѣтія. Увлекался я съ нѣкоторыхъ поръ и философіей, и хотя еще далеко не осилилъ головоломной метафизики Канта и Гегеля, но довольно вѣрно могъ опредѣлить суть міровоззрѣнія болѣе извѣстныхъ древнихъ философовъ, а также и многихъ позднѣйшихъ, до Шо-

пенгауэра и Гартмана включительно. Наконецъ, благодаря тому, что мы получали выходившій въ то время выпусками энциклопедическій словарь, сдѣлавшійся у меня настольной книгой, я нахватался множества самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, которыя, особенно изъ области исторіи и литературы, пытался, какъ умѣлъ, приводить въ нѣкоторый стройный порядокъ. Отличительной чертой всѣхъ этихъ занятій была полная ихъ самостоятельность. Впрочемъ отчасти руководителемъ была мнѣ образованная среда, въ которой я постоянно вращался.

Чуть ли не десяти лѣтъ отъ роду я началъ писать стихи, благодаря чему среди сосѣдей и знакомыхъ слылъ подъ шутивымъ прозваніемъ «поэта». Лѣтъ 15-ти, я рѣшился послать свои опыты Крашевскому въ Дрезденъ. Опыты эти были мало удачны, и въ отвѣтъ я получилъ вѣжливое, но сухое письмо. Послѣ двухлѣтняго перерыва, мѣсяца за три до описываемаго времени, я обратился къ Крашевскому во второй разъ. Отвѣтное письмо его составило для всѣхъ насъ семейное торжество. Онъ писалъ, что пораженъ моими «громадными» успѣхами въ столь короткое время, восхищался звучностью и формой стиха, пророчилъ самую блестящую будущность. Стихи эти я послалъ въ одинъ изъ варшавскихъ журналовъ, но по какой-то фантазіи именно въ тотъ, котораго ни мы, ни сосѣди не получали. Никакого отвѣта я не дождался и, сконфуженный, притихъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя, просматривая случайно книжки этого журнала, я натолкнулся тамъ на мои стихи. Въ это время я очень нуждался въ деньгахъ и очень былъ обрадованъ, получивъ за эти стихи гонораръ, выданный мнѣ безъ всякихъ возраженій. Такимъ образомъ я уже печатался, хотя самъ не зналъ объ этомъ.

Подкупаемый моими литературными наклонностями, отецъ уже нѣсколько разъ обѣщалъ перевести меня въ Варшаву, въ одну изъ мѣстныхъ гимназій, но не спѣшилъ, и я пересталъ вѣрить, что это когда либо можетъ осуществиться.

И вотъ, въ тихій іюльскій вечеръ, лежа на балконѣ второго этажа и вслушиваясь въ щебетанье нашихъ юныхъ гостей о прелестяхъ варшавской жизни, доносившееся съ нижней, спускающейся въ садъ террасы, я внезапно рѣшилъ бѣжать изъ дому, въ Варшаву. Это рѣшеніе мнѣ очень понравилось, такъ какъ мнѣ давно хотѣлось создать какое либо приключеніе въ моей однообразной жизни. Ни на минуту я не отнесся къ нему серьезно, точно выдумалъ какую-то забаву, выполненіе которой обѣщало много интереснаго. Имѣніе, гдѣ мы жили, отстояло верстъ 90 отъ Слупска, въ пяти же верстахъ отъ него жилъ дядя, домъ котораго былъ какъ бы центромъ нашей семьи, во-первыхъ, потому, что тамъ поселилась прабабушка, которая всѣхъ соединяла, во-вторыхъ, благодаря неистощимому хлѣбосольству хозяевъ. Спустя нѣсколько дней, туда

направились наши гости вслѣдъ за уѣзжавшей раньше своей матерью. И вотъ я вызвался провожать ихъ, говоря, что мнѣ надо въ Слуцкѣ докончить каникулярныя работы. Въ Слуцкѣ я и мои два младшихъ брата съ ихъ репетиторомъ жили въ отдѣльномъ, нанятомъ для насъ домѣ, при чемъ съ нами большею частью жила и мать. Еврейскіе поставщики поставляли намъ все въ долгъ, и даже деньги въ случаѣ нужды мы брали у одного изъ еврейскихъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла съ отцомъ, который, наѣзжая раза три въ годъ, со всѣми рассчитывался. Не имѣя никогда собственныхъ денегъ, я неоднократно по порученію отца бралъ для него или для матери на расходы по нѣскольку сотъ рублей подъ простыя расписки и даже просто на слово. Такимъ образомъ взять деньги на путешествіе въ Варшаву мнѣ не представляло никакого труда. Ъздили мы въ Слуцкъ на собственныхъ лошадяхъ (желѣзной дороги и до сихъ поръ въ этомъ направленіи нѣтъ). Отправивъ сестеръ къ дядѣ, я сказалъ, что остаюсь на ночь въ Слуцкѣ, что мнѣ надо повидаться съ нѣкоторыми товарищами, и просилъ, чтобы на слѣдующій день, къ 12-ти часамъ, прислали за мною кучера. Было довольно рискованно и легкомысленно надѣяться, что за это время я успѣю ѣзжать въ Варшаву, но обстоятельства мнѣ благопріятствовали. Получить деньги «на расходы» (еврей даже не полюбопытствовалъ: какіе расходы?) было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я довольствовался произвольно пришедшей на умъ скромной суммой 60 рублей, не имѣя понятія, насколько мнѣ ея хватитъ. Затѣмъ повидался съ товарищами и шутливо сообщилъ имъ, что уѣзжаю въ Варшаву, чему никто не повѣрилъ.

На утро я пошелъ въ гимназію и потребовалъ свои бумаги. Случайно былъ въ канцеляріи инспекторъ, человекъ добрый и благодушный, очень благоволившій ко мнѣ, какъ къ одному изъ лучшихъ своихъ учениковъ по исторіи. Онъ распорядился немедленно выдать бумаги и пожелалъ счастливаго пути. Въ тотъ же день вернулся изъ отпуска директоръ, который заявлялъ потомъ, что никогда бы мнѣ бумагъ, безъ письменнаго требованія родителей, не выдалъ. Да и вообще, какъ я впоследствии узналъ, выдача бумагъ изъ гимназіи дѣло сложное; совершеніе всего этого въ нѣсколько минутъ, по моему личному желанію, слѣдуетъ приписать счастливой случайности, а отчасти и полному довѣрію, которымъ я у всѣхъ пользовался. Впрочемъ, я и не скрывалъ ничего, такъ какъ заявилъ, что уѣзжаю продолжать ученіе въ Варшаву. Изъ гимназіи я отправился въ полицію, гдѣ также безъ труда получилъ нужную бумагу на выѣздъ. Затѣмъ, въ 11 часовъ, заказалъ на почтѣ лошадей въ Городѣю, станцію желѣзной дороги, отстоящую верстъ 70 отъ Слуцка. Уѣзжая, я оставилъ письмо къ дядѣ, гдѣ въ шутливой формѣ прощался со всѣми и, не скрывая, увѣдомлялъ, что ѣду въ Варшаву. Когда кучеръ вернулся съ этимъ пись-

момъ, оно своей неожиданностью произвело сильное впечатлѣніе. Состоялся въ нѣкоторомъ родѣ семейный совѣтъ. Сначала хотѣли дать телеграмму въ Городѣю, чтобы мнѣ тамъ не выдавали билета, но перевѣсило мнѣніе, что въ виду отсутствія родителей родные не имѣютъ на то права, и что достаточно будетъ, если моя тетушка, гостя изъ Варшавы, поручить своему сыну письменно, чтобы тотъ разыскалъ меня въ Варшавѣ и отправилъ обратно домой.

Тѣмъ временемъ я, чрезвычайно довольный собою, съ нѣкоторымъ любопытствомъ ожидая дальнѣйшаго хода событій, благополучно прибылъ въ Варшаву и остановился въ Польской гостиницѣ. Услужливый лакей сообщилъ, что рядомъ съ гостиницей находится «Эльдорадо», лѣтній театръ, и я въ тотъ же вечеръ пошелъ туда. Въ новой, полной жизни атмосферѣ чувствовалось легко и свободно, а главное—независимо. Въ театрѣ я неожиданно столкнулся съ двоюроднымъ моимъ братомъ, который, несмотря на свой 22-хъ-лѣтній возрастъ, имѣлъ совершенно самостоятельное дѣло: такъ называемую здѣсь «ремизу», т.-е. наемъ экипажей и лошадей. Когда онъ гостилъ у насъ въ деревнѣ, то отецъ говорилъ ему, что не прочь переселить меня въ Варшаву. Поэтому, обрадовавшись встрѣчѣ, онъ не особенно ей удивился. Занималъ онъ въ другой гостиницѣ, Литовской, на Ново-Сенаторской улицѣ, двѣ комнаты и уговорилъ меня сейчасъ же переѣхать къ нему. Это оказалось весьма полезнымъ для моего кошелька, который иначе опустѣлъ бы очень скоро, такъ какъ обращаться съ деньгами я только теперь начиналъ учиться, склонностью же къ бережливости не обладалъ. На слѣдующій день я снесъ тетрадку своихъ стиховъ въ редакцію «Курьера Варшавскаго». Недовѣрчивый—какъ это и естественно—пріемъ 17-ти-лѣтняго стихотворца, отсутствіе предупредительности, къ которой я привыкъ, крайне обезкуражили меня, и хотя меня просили зайти, спустя два-три дня, узнать о судьбѣ тетрадки, но я уже подумывалъ: не отказаться ли мнѣ отъ собственныхъ стиховъ, лишь бы не подвергать себя опять любопытнымъ и, пожалуй, слегка насмѣшливымъ взглядамъ господъ, засѣдающихъ въ редакціи. Въ первые же дни я обошелъ всѣ варшавскія гимназіи, при чемъ оказалось, что я ни въ одну не могу быть принятъ по тремъ причинамъ, при чемъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности было вполне достаточно, чтобы оставить всякую надежду поступить въ Варшавѣ въ гимназію. Вездѣ мнѣ заявили, что, во-первыхъ, нѣтъ уже вакансій, во-вторыхъ, просьба о поступленіи должна исходить отъ родителей, въ-третьихъ, уроженцы западныхъ губерній принимаются только съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора. Самъ не зная, что дѣлать и что впереди, я предался теченію и продолжалъ, подъ руководствомъ брата, знакомиться съ Варшавой. Хотя я не пилъ, не курилъ и не начиналъ еще ухаживать за барышнями, тѣмъ не менѣе, деньги быстро под-

ходили къ концу. Нѣсколько опьяненный живо бьющей кругомъ меня волной уличной жизни, ежедневными посѣщеніями въ полномъ смыслѣ образцоваго въ то время театра, доставлявшаго мнѣ неизвѣданное до сихъ поръ наслажденіе, я не замѣчалъ ничего. Забылъ также и о томъ, что брата могутъ увѣдомить о самовольномъ моемъ приѣздѣ въ Варшаву. Къ счастью, въ деревнѣ письма пишутся не спѣша, съ разстановкой, почта къ желѣзной дорогѣ ходила въ то время всего раза два въ недѣлю, и такимъ образомъ роковой мигъ затянулся на недѣлю слишкомъ. Но, наконецъ, въ одно утро онъ насталъ. Мы только что одѣвались и дружелюбно бесѣдовали, когда почтальонъ принесъ письмо. Братъ, прочитавъ его, измѣнился въ лицѣ и сразу вошелъ въ роль моего опекуна.

— А! такъ вотъ что!.. Ты уѣхалъ самовольно... Собирайся сейчасъ, и я отвезу тебя на вокзалъ. Мнѣ пишутъ, что еще можно дѣло поправить, что тебя примутъ въ гимназію обратно.

— Никогда не вернусь! — сказалъ я рѣшительно, сгорая отъ стыда при одной мысли о томъ положеніи, въ которомъ я очутился бы послѣ возвращенія домой, о томъ, какъ я взгляну въ глаза и что скажу родителямъ, роднымъ, гимназическому начальству.

— Что же ты здѣсь будешь дѣлать? — спросилъ братъ. — Денегъ у тебя нѣтъ... въ гимназію не принимаютъ...

— Если захочу, и деньги будутъ, и въ гимназію примутъ, — сказалъ я, лишь бы оттянуть развязку, и поспѣшно вышелъ на улицу.

Впослѣдствіи я узналъ, что довольно громкій скандалъ, понятно, съ массой ложныхъ подробностей, который созданъ былъ и прогремѣлъ по Слуцку и цѣлому уѣзду, на почвѣ моего бѣгства въ Варшаву, — разыгрался помимо воли родителей; тѣ, узнавъ о моемъ поступкѣ, сразу изъявили желаніе примириться съ нимъ и дали мнѣ разрѣшеніе продолжать ученіе въ Варшавѣ. Но разстояніе — около ста верстъ — не позволило роднымъ тотчасъ же снестись съ ними.

Итакъ я, очутившись на улицѣ и самъ не придавая значенія словамъ своимъ: «и деньги будутъ, и въ гимназію примутъ», — въ первый разъ задумался, какъ быть. На мгновенье мелькнулъ въ головѣ револьверъ, но я вспомнилъ, что револьверъ отца стоитъ 30 рублей, у меня же въ кошелькѣ оставалось 12 рублей, — и тутъ же мысль эту оставилъ. Возвращаться? — объ этомъ не могло быть и рѣчи. Я читалъ какой-то романъ Уйды, въ которомъ въ очень заманчивыхъ краскахъ изображена природа Алжира, схватки французовъ съ арабами и т. п., зналъ, что въ тамошнихъ войскахъ существуетъ какой-то «иностранный легіонъ», куда принимаютъ любителей сильныхъ ощущеній. И вотъ меня осянула мысль пробраться на 12 рублей за границу, а тамъ, хотя бы пѣшкомъ, достигнуть Франціи и требовать, чтобы меня приняли въ «иностранный алжирскій легіонъ».

Успокоившись на этомъ рѣшеніи и рисуя уже въ воображеніи своемъ бивуаки... лунныя ночи... костры... скачку на конѣ по пустынѣ, я съ аппетитомъ позавтракалъ и сталъ въ газетахъ разыскивать расписанія поѣздовъ, идущихъ къ границѣ. Тутъ я вспомнилъ о тетрадкѣ своихъ стиховъ. «Все-таки надо ее взять съ собою»,—подумалъ я, но долгое время бродилъ по Саксонскому саду, прежде чѣмъ рѣшился зайти въ редакцію «Варшавскаго Курьера». Въ редакціи, въ небольшой задней комнаткѣ флигеля при Театральной площади, поднялся мнѣ навстрѣчу изъ-за шахматной доски небольшого роста, полный, коротко обстриженный и бритый старичекъ, очень привѣтливо улыбающійся и немного шепелявящій. Будучи первый разъ въ редакціи, я его не видѣлъ, такъ какъ въ эту комнату меня не допустили. Это былъ редакторъ и соиздатель «Курьера», Вацлавъ Шимановскій, довольно извѣстный поэтъ и драматургъ, лучший въ польской литературѣ переводчикъ французскихъ классиковъ, особенно Мольера.

— А! такъ это вы авторъ этихъ стиховъ?.. Я нарочно взялъ вашу тетрадку, такъ какъ хотѣлъ съ вами познакомиться... Очень, очень радъ, что вы такъ молоды... что передъ вами еще много времени трудиться... Тѣмъ большія надежды можете оправдать... Если хотите знать, всѣ ваши стихотворенія гораздо талантливѣе многихъ, которыя я печатаю... тѣмъ не менѣе у васъ нѣтъ еще опыта... встрѣчаются и выраженія неудачныя... я выбралъ только два стихотворенія для «Курьера»... нѣсколько другихъ тоже напечатаю, если поправите кое-что согласно моимъ указаніямъ. Скажите, пожалуйста, что вы здѣсь дѣлаете?.. гдѣ живете?..

Я откровенно разсказалъ все, утаивъ лишь, что пріѣхалъ сюда безъ согласія родителей.

— Насчетъ гимназіи мы попытаемся еще разъ, такъ какъ это самое главное,—сказалъ съ добродушной улыбкой Шимановскій.— Кстати... у меня теперь свободное время... пойдете... Я сведу васъ къ одному господину, занимающему очень высокое положеніе... онъ намъ можетъ помочь... только ведите себя по отношенію къ нему почтительно.

Мы вышли, и я позвалъ извозчика.

— Зачѣмъ тратить деньги?... мы дойдемъ и пѣшкомъ,—остановилъ меня редакторъ.

Мы посѣтили Горнберга, занимавшаго видный постъ въ управленіи учебнымъ округомъ; на усиленные просьбы Шимановскаго онъ обѣщалъ устроить мой пріемъ въ гимназію и снабдилъ меня надлежащими указаніями.

— Дѣло почти сдѣлано,—сказалъ Шимановскій, когда мы вышли.—Это человѣкъ хорошій и зря ничего не общаетъ. Скажите мнѣ теперь, какъ ваше матеріальное положеніе.

— Родители мои могутъ мнѣ присылать помѣсячно, но въ настоящее время... я издержалъ почти все, что взялъ изъ дому.

— Сколько же вамъ надо?

— Думаю, что рублей 60 хватитъ,—сказалъ я, опять наобумъ остановившись на той же суммѣ, какую взялъ въ Слуцкѣ на дорогу.

— Я вамъ ихъ дамъ съ удовольствіемъ, а вы мнѣ вернете, когда пришлютъ родители. Навѣщайте меня. Я васъ кое съ кѣмъ познакомлю.

Къ вечеру я храбро перешагнулъ порогъ квартиры брата. Боязнь отправки домой, мысль объ «иностранномъ легіонѣ» улетучились безслѣдно.

— Что же?.. надумалъ?.. ѣдешь домой?—спросилъ меня сурово братъ.

— Я поступаю здѣсь въ гимназію. Завтра разрѣшено подать прошеніе.

— А деньги?..

— И деньги есть,—открылъ я кошелекъ.

— Гдѣ ты взялъ?..

— Мнѣ одолжилъ Шимановскій, редакторъ «Курьера». Взялъ стихи напечатать и далъ денегъ.

— А! если такъ, дѣлай, какъ знаешь,—махнулъ рукой братъ, и, спустя часъ, мы въ полномъ согласіи стояли у кассы театра въ Саксонскомъ саду.

Черезъ нѣсколько дней я былъ принятъ въ гимназію и сейчасъ же переѣхалъ отъ брата на частную квартиру, въ семейство чиновника фонъ-Л., который объявлялъ въ газетахъ о желаніи взять двоихъ гимназистовъ-пансіонеровъ.

Моимъ сожителемъ оказался сынъ помѣщицы изъ Подоліи и владѣлицы дома, въ которомъ мы жили, юноша добрый, но любившій щегольнуть въ павлиньихъ перьяхъ. Онъ мнѣ сталъ читать стихотворенія, будто бы сочиненныя имъ, и я послѣдовательно обнаруживалъ, что они прямо списаны изъ сочиненій менѣе и даже болѣе извѣстныхъ польскихъ поэтовъ.

— Да вѣдь это Витвицкій,—говорилъ я.

— Да, да!.. но послушайте вотъ это...

— Это переводъ Сырокомли изъ Веранже...

— Да, изъ Веранже... а вотъ послушайте еще...

Въ концѣ концовъ, уцѣлѣло одно стихотвореніе, котораго я не зналъ раньше, и которое онъ считалъ неотъемлемой своей собственностью.

— Да, дорогой мой, — восторгалась мать, которой онъ, какъ и мнѣ, часто декламировалъ эти стихи: — какъ ты вѣрно здѣсь сказалъ: «что намъ міръ? забудемъ о мірѣ, и пусть онъ забудетъ про насъ».

Увы! въ послѣдствіи и эти стихи нашлись въ какой-то книжкѣ, помѣченные именемъ довольно извѣстнаго поэта.

Мои хозяева жили открыто, держали собственныхъ лошадей, а главное имѣли красавицу-дочь, 13—14 лѣтъ, первую дѣвушку въ моей жизни, которой я втайнѣ поклонялся, хотя видѣлъ ее только по праздникамъ, когда она пріѣзжала изъ института, гдѣ воспитывалась и жила.

Такимъ образомъ эта поэма нарождающейся первой любви не пошла дальше предисловія.

II.

Одынецъ.—Бесѣды съ нимъ.—Сенкевичъ.—Его литературная карьера.—Петкевичъ (Плугъ).—Иванъ Финкельгаузъ, впоследствии баронъ Finot.—Метаморфозы газеты «Новости» («Nowiny»).—Ксендзъ Францъ Крупинскій.

Въ числѣ лицъ, съ которыми я познакомился, благодаря Шимановскому и посѣщеніямъ нѣсколькихъ редакцій, несомнѣнно, первое мѣсто принадлежитъ Антону-Эдуарду Одынцу. Этотъ знаменитый другъ и спутникъ Мицкевича въ его скитаніяхъ за границей занимаетъ въ литературѣ польской почти то же положеніе, что Жуковскій въ русской, и даже его отношенія къ Мицкевичу нѣсколько напоминаютъ отношенія Жуковскаго къ Пушкину. Это лучший до сихъ поръ польскій переводчикъ англійскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ, а также, между прочимъ, «Свѣтланы» Жуковскаго и нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, наконецъ авторъ многихъ балладъ и романсовъ. Лучшій періодъ его литературной дѣятельности относится къ годамъ 1822—1850, но и спустя тридцать лѣтъ, уже почти восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, онъ продолжалъ время отъ времени писать стихи, понятно, безцвѣтные и вымученные, благодаря чему подвергался непростительнымъ и глупымъ нападкамъ такъ называемой «молодой, позитивной прессы». Она не могла ему простить его близости къ Мицкевичу, того, что онъ положительно отвергалъ ея притязанія на то, чтобы міровоззрѣніе Мицкевича имѣло что либо общее съ міровоззрѣніемъ ихъ, позитивистовъ.

Въ семидесятыхъ годахъ Одынецъ издалъ свои знаменитыя «Путевыя записки» («Listy z podróży»), подробный, крайне ярко, живо и интересно изложенный дневникъ путешествія съ Мицкевичемъ, хранившійся около 40 лѣтъ въ рукописи. Этотъ дневникъ неопровержимо доказывалъ глубокую религіозность Мицкевича въ лучшее время его творчества, и этого было достаточно, чтобы либеральная пресса сочла его апокрифическимъ, составленнымъ гораздо позже. Между тѣмъ достаточно бѣгло прочесть эти записки, чтобы убѣдиться, что онѣ создавались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, что изобилуютъ массой такихъ подробностей, которыя забываются уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ; немыслимо, чтобы старикъ, котораго талантъ, благодаря кропотливой журнальной работѣ, полекъ

давно и невозвратно, могъ создать что либо столь ярко колоритное, полное юношеской свѣжести и чувства.

Въ то время Одынецъ уже нѣсколько лѣтъ пользовался вполне заслуженнымъ отдыхомъ и проживалъ наполовину у дочери, содѣржавшей послѣ мужа-врача, на окраинѣ города, частную лѣчебницу, кажется, нервныхъ болѣзней,—наполовину въ небольшой своей квартиркѣ, изъ двухъ или трехъ комнатъ, на Эриванской улицѣ. Здѣсь и тамъ я посѣтилъ его нѣсколько разъ.

Читая пренебрежительные отзывы о немъ «молодой прессы» и отчасти довѣряя имъ, такъ какъ самъ въ то время переживалъ періодъ хвастливаго безвѣрія и поклоненія Гартмановской философіи, я ожидалъ увидѣть въ немъ отъявленнаго ретрограда, или, по крайней мѣрѣ, выживающаго изъ ума дряхлаго старца. Между тѣмъ меня встрѣтилъ крайне живой и подвижной старичекъ, небольшого роста, тѣдешный, бритый, сразу расположившій къ себѣ необычайной, почти родственной сердечностью.

— Мы съ вами земляки, — сказалъ онъ, — и я чрезвычайно радъ всякому, кто къ намъ прибываетъ изъ родины Мицкевича. Тѣмъ болѣе—если это талантъ. И просто поразительно. Вотъ, казалось бы, атмосфера Варшавы какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ возникновенію литературныхъ дарованій, между тѣмъ, замѣтите, до сихъ поръ поэты къ намъ являются только изъ Литвы, изъ Украйны, изъ Подоліи, а если здѣсь что либо окажется, то, помилуй Богъ, какое жалкое, анемическое. Нѣтъ... нѣтъ... я всегда говорю—не можетъ настоящій поэтъ родиться мѣщаниномъ, провести первые годы въ городской пыли. Да и въ нашемъ родномъ воздухѣ есть что-то такое особенное...

— Я замѣчаю, — говорилъ онъ мнѣ въ другой разъ, — что вы теперь весь подъ вліяніемъ Словацкаго. Это въ ваши годы неизбежно, это даже полезно: вы вырабатываете гармонію, звучность, изящество стиха, но это пройдетъ, это должно пройти. Какъ никакъ, а высшая поэзія въ простотѣ, которую вы найдете у Мицкевича, въ глубинѣ чувства, которую найдете у Мицкевича и Красинскаго. Словацкій болѣею частью только красиво позируетъ. Эти «фонтаны», «каскады», «саркофаги» — вся эта звучная шумиха словъ не одного направила на ложный путь. Оставьте это тѣмъ, у кого нѣтъ таланта, и которые въ этой шумихѣ — безсильны. Мой другъ, Красинскій, епископъ виленскій, въ доказательство, что для писанія такихъ стиховъ не требуется особеннаго дарованія, тутъ же при мнѣ сочинилъ чрезвычайно звучное и гармоническое стихотвореніе, которое между тѣмъ ничего не стоило. Отрывки изъ него я до сихъ помню... послушайте...

— Вы, вѣроятно, въ гимназіи изучаете Пушкина. Читайте его внимательно... онъ вамъ можетъ быть очень полезенъ... Вы замѣтите... у Пушкина, на примѣръ, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», нѣтъ ни

одного слова лишняго, никакого особеннаго паренья ввысь... все ясно, просто, естественно, а между тѣмъ какая это прелесть!..

— Вы слишкомъ рано поднимаете бунтъ противъ Бога,—говорилъ онъ, просматривая какое-то мое стихотвореніе.—Что жъ? Духъ времени. Во времена филаретовъ было иначе... А все-таки, если я вѣрю въ вашъ талантъ, то вѣрю также и въ то, что эта зараза покинетъ васъ. Замѣтьте... всѣ наши великіе поэты искренно и глубоко вѣрили. И это потому, что вѣра есть источникъ чувства, а настоящій поэтъ долженъ жить чувствомъ. И никогда невѣрующій поэтъ не окажетъ широкаго и прочнаго вліянія на массы, въ большинствѣ вѣрующія, въ меньшинствѣ жаждущія вѣры.

Поздней осенью я получилъ отъ него приглашеніе пожаловать на чашку чая. Въ его небольшой квартирѣ на Эриванской улицѣ оказалось человѣкъ двадцать выдающихся литераторовъ, художниковъ, артистовъ. Въ этотъ вечеръ кругъ моихъ знакомствъ въ художественномъ мірѣ значительно расширился.

Спустя три-четыре года, Одынецъ скончался. Умиралъ онъ спокойно, окруженный всѣми близкими, еще за нѣсколько минутъ до смерти произнося отрывки изъ любимыхъ своихъ стихотвореній.

Похороны его были однѣ изъ самыхъ торжественныхъ и многочисленныхъ въ Варшавѣ.

Другимъ наиболѣе достойнымъ вниманія представителемъ варшавскаго литературнаго міра былъ Сенкевичъ. Съ нимъ я въ настоящемъ смыслѣ этого слова знакомъ не былъ, хотя и посѣтилъ его разъ на улицѣ Ксіонженцей, № 4, гдѣ онъ занималъ въ то время небольшой номеръ въ меблированныхъ комнатахъ, въ четвертомъ этажѣ. Слава его, какъ талантливаго автора небольшихъ рассказовъ, еще не выходила за предѣлы царства Польскаго, такъ какъ въ западныхъ губерніяхъ наибольшую популярность пользовались изъ старыхъ писателей — Крашевскій, изъ болѣе молодыхъ — Эмилиа Оржешко.

Стройный, красивый, смуглолицый, съ мечтательнымъ выраженіемъ большихъ темныхъ глазъ, Сенкевичъ, хотя и отличался сравнительной практичностью и дѣловитостью, но могъ существовать на литературный свой заработокъ только очень скромно. Двадцатипятилѣтній юбилей его писательской дѣятельности, праздновавшійся года два назадъ, собственно долженъ былъ справляться гораздо раньше, такъ какъ Сенкевичъ дебютировалъ въ качествѣ театральнаго критика въ прогрессивномъ «Еженедѣльномъ Обзорѣніи» («Przegląd Tygodniowy») еще въ 1869 году. Года два спустя, «Иллюстрированный Еженедѣльникъ» («Tygodnik Ilustrowany»), до настоящаго времени наиболѣе цѣнный въ литературномъ отношеніи польскій журналъ, напечаталъ его критическій разборъ стиховъ одного изъ польскихъ поэтовъ XVIII столѣтія. Затѣмъ онъ сталъ писать фельетоны въ «Польской Газетѣ», пере-

водилъ въ компаніи съ другими «93-й годъ» Гюго, сочинилъ два неудачныхъ разсказа: «Волкъ» и «Разныя дороги», съ рѣзко проявленной демократической тенденціей, и наконецъ обратилъ на себя вниманіе небольшимъ, въ нѣсколько страницъ разсказомъ «Старый слуга», и его продолженіемъ: «Ганя». Попытался было написать продолженіе и «Гани», но оно («Селимъ», напечатанный, какъ «Старый слуга» и «Ганя», въ «Польской Газетѣ») оказалось уже гораздо слабѣе. Очевидно Сенкевичъ, обладающій несомнѣнно выдающимся художественнымъ вкусомъ, самъ понималъ это, такъ какъ «Селимъ», «Волкъ» и «Разныя дороги» не вошли въ собраніе его сочиненій.

Въ 1898 году одинъ мой знакомый предложилъ мнѣ перевести «Волка» и «Разныя дороги» на русскій языкъ. Я согласился, не зная подлинника и не предполагая, чтобы Сенкевичъ могъ когда либо сочинять подобный вздоръ. Переводъ этотъ былъ для меня истиннымъ мученіемъ. Нѣкоторыя страницы, по моему мнѣнію, совершенно напрасно представляющія Сенкевича передъ русской публикой въ смѣшномъ видѣ, я вычеркнулъ, о чемъ и предупредилъ издателя. Чуйко, который написалъ вступительную критическую статью къ этому изданію, возмущился такимъ моимъ отношеніемъ къ Сенкевичу, и мнѣ было заявлено, что страницы эти все-таки восстановлены. Тогда я отказался поставить свое имя на книгѣ, и съ моего согласія она издана, какъ переводъ какой-то неизвѣстной мнѣ г-жи Грибоѣдовой. Обширная критическая статья Чуйко о Сенкевичѣ въ этомъ изданіи была одной изъ послѣднихъ его работъ, такъ какъ очень скоро послѣ этого онъ скончался.

Въ данномъ случаѣ я, быть можетъ, и не былъ правъ, но мнѣ просто не хотѣлось, чтобъ Сенкевичъ думалъ, что именно я вывожу на свѣтъ Божій то, что — какъ мнѣ казалось — онъ не прочь бы предать вѣчному забвенію. Очевидно я ошибался, такъ какъ недавно появилось, несомнѣнно, съ согласія автора, польское изданіе всѣхъ старыхъ разсказовъ Сенкевича, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій.

Такимъ образомъ только около 1875 г. талантъ Сенкевича вполне установился и окрѣпъ, и небольшіе его разсказы того времени, полные художественно-тонкаго анализа и чувства, несравненно выше всего того, что появилось въ тѣ годы въ польской беллетристикѣ. Обратилъ на него вниманіе и негласный издатель «Польской Газеты», молодой банкиръ Станиславъ Кроненбергъ, и далъ ему возможность совершить путешествіе въ Америку. Новые широкіе горизонты, новыя впечатлѣнія чрезвычайно благотворно повліяли на его талантъ.

Въ 1880 году Сенкевичъ продолжалъ еще, между прочимъ, писать свои критическія статьи въ «Газетѣ Польской» и журналѣ

«Нива» (выходившемъ два раза въ мѣсяцъ). Это изданіе было органомъ того же направленія, что впослѣдствіи «Слово», и даже редакторъ «Нивы», Мстиславъ Годлевскій, былъ потомъ (до 1901 года) редакторомъ «Слова». Такимъ образомъ сотрудничество Сенкевича въ «Нивѣ» подготовило ему переходъ въ «Слово».

Литературные его доходы были въ то время такъ ничтожны, что когда онъ вскорѣ женился,—кстати на богатой невѣстѣ,—то пришлось взять фракъ на свадьбу у одного изъ знакомыхъ.

«Слово», куда онъ вскорѣ перешелъ въ качествѣ редактора, органъ родовитаго польскаго дворянства, сразу вполне обезпечило его въ матеріальномъ отношеніи. Кромѣ того, оно стало платить ему за романы неслыханныя до того времени въ польской журналистикѣ суммы. Какъ говорили, онъ получилъ за «Огнемъ и мечомъ»—10.000 рублей, за «Потопъ» 15.000 рублей и т. д. Во всякомъ случаѣ, становясь во главѣ «Слова», онъ принялъ на себя извѣстные нравственные обязательства, которыя выполнилъ очень добросовѣстно, но выигралъ ли отъ этого его первоклассный (какъ въ то время уже стало очевидно) талантъ?—это вопросъ открытый.

Демократическія тенденціи, карикатурно проявившіяся въ «Волкѣ» и очень художественно и симпатично въ послѣдующихъ разсказахъ, пришлось совѣмъ оставить.

Какъ бы ни была блестяща его трилогія XVII столѣтія, но она выдержала двѣ цензуры: обыкновенную и направленія журнала «Слово». Это на много сужило ея горизонтъ, и Сенкевичъ не далъ въ ней того, что могъ. Нормальнымъ этотъ способъ творчества для первоклассныхъ талантовъ, которые «сами свой высшій судъ»,—я считать не могу. Обыкновенно бываетъ наоборотъ. Всѣ выдающіяся, міровыя произведенія сами раздвигаютъ рамки человѣческой цензуры; достаточно упомянуть «Пана Тадеуша» и «Ревизора».

Въ результатъ трилогія поглотила лучшіе годы творчества Сенкевича, отняла у него много художественной чуткости и свѣжести, и когда онъ затѣмъ вернулся къ современному роману, то оказался уже не вдохновеннымъ поэтомъ-художникомъ, властнымъ увлекать массы, «глаголомъ жечь сердца людей»,—но зрѣлымъ и холоднымъ аналитикомъ, опытнымъ мастеромъ слова.

Семейнымъ счастьемъ онъ пользовался недолго, такъ какъ жена, оставивъ дочь и сына, скончалась отъ чахотки. Когда въ это время кто-то изъ его поклонниковъ (подозрѣвають, что это былъ одинъ изъ молодыхъ Собанскихъ) прислалъ ему въ конвертѣ 15.000 рублей съ подписью: «Сенкевичу Володыіовскій» (одинъ изъ героевъ трилогіи), то Сенкевичъ, очевидно подъ впечатлѣніемъ этой смерти, пожертвовалъ присланныя деньги на лѣченіе чахоточныхъ писателей и ихъ родныхъ.

Умершая жена Сенкевича была идеальная весталка домашнего очага, и несомненно впечатлѣніе отъ ея высокихъ нравственныхъ качествъ отразилось на лучшихъ типахъ польской женщины, какія онъ создалъ въ своихъ бытовыхъ романахъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ увлекся было красивой и бойкой воспитанницей г-жи Володковичъ (той именно, которую убилъ въ вагонѣ около Одессы Малышевъ) и женился на ней. Но они прожили другъ съ другомъ, кажется, всего нѣсколько дней. Послѣ развода вторая его жена вышла замужъ за богатаго южнаго помѣщика, г-на М. Думаю, что въ виду выдающейся личности Сенкевича эти подробности о немъ, мало извѣстныя русской публикѣ, не будутъ лишніи.

Останавливаясь на нѣкоторыхъ болѣе достойныхъ вниманія личностяхъ тогдашняго литературнаго міра Варшавы, я не могу пропустить редактора (нынѣ не существующихъ) «Колосевъ», Антона Петкевича, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ: «Адамъ Плугъ».

Это былъ въ то время уже 55-лѣтній старикъ, высокій, тощій и некрасивый, родомъ, какъ и я, изъ Минской губерніи и даже воспитывавшійся, какъ и я, въ Слуцкой гимназіи. Рано лишившись жены и единственнаго ребенка, весь поглощенный тяжелымъ журнальнымъ трудомъ, онъ велъ невзыскательную жизнь одинокаго и положительно все, что имѣлъ, раздавалъ нуждающимся, а даже, выручая многихъ, самъ долженъ былъ у издателей. Его единственная служанка, такая же сердобольная старушка, какъ и баринъ, часто охала, что у того нѣтъ ни одной цѣлой рубашки, и онъ никакъ не соберется обзавестись новыми.

Въ дѣтствѣ я съ увлеченіемъ читалъ сборникъ разсказовъ Плуга: «Родная нива» (*Zagon rodzinnu*), такъ какъ въ нихъ проглядывала дѣтски чистая душа, озаренная яркимъ свѣточемъ истинно христіанской любви къ ближнему, ко всему вообще, что слабо и угнетено. Не знаю въ польской литературѣ болѣе подходящаго педагогическаго матеріала для облагораживанія дѣтской души.

Какъ авторъ стиховъ, онъ никогда не поднялся выше посредственности, о чемъ впрочемъ самъ зналъ хорошо. И неудивительно. Тяжелая, многолѣтняя журнальная работа незаметно поглощала всѣ его силы. Помню, что однажды, посѣтивъ талантлиую, нынѣ покойную писательницу Ильницкую, я услышалъ изъ ея устъ: «Мой издатель, слава Богу,—человѣкъ хорошій... Да вотъ... жаль бѣднаго Плуга... какъ его обременяютъ работой». Въ тотъ же день вечеромъ Плугъ мнѣ говорилъ: «Мнѣ что?.. Мое положеніе слава Богу... Левенталь человѣкъ добрый... Да вотъ... жаль бѣдную Ильницкую»... и т. д.

Такъ эти наивныя старыя дѣти жалѣли всѣхъ, не имѣя жалости лишь къ самимъ себѣ.

Плугъ, хилый, больной 75-лѣтній старикъ, до настоящаго дня, пробивается литературной работой. Не будучи въ состояніи отказать ни въ чемъ своему бывшему патрону, онъ сталъ подписывать «Варшавскій Курьеръ», какъ фиктивный его соиздатель, такъ какъ Левенталь, пріобрѣтя значительную часть «Курьера», не рѣшался выставить своего имени на наиболѣе ходкой и популярной газетѣ, очевидно въ виду обострившихся въ то время проявленій антисемитизма въ обществѣ. Годъ назадъ Левенталь скончался, оставивъ большое состояніе и незадолго до смерти принявъ католичество, превратившись изъ Саломона во Франца. Онъ, кажется, предоставилъ Плугу пожизненно бесплатную квартиру въ своемъ домѣ.

Небезынтересно упомянуть, что именно въ тѣ годы дебютировалъ въ Варшавѣ, какъ литераторъ и издатель, молодой присяжный повѣренный изъ евреевъ, Иванъ Финкельгаузъ, впоследствии превратившійся въ Парижѣ въ барона Finot, громкаго издателя «Revue des Revues», автора философскихъ и политическихъ трактатовъ и наконецъ владѣльца небольшой скаковой конюшни.

Въ то время это былъ маленькій, розовый, безусый юноша, лицомъ своимъ очень мало выдающій семитическое свое происхожденіе, крайне живой и любезный, а вдобавокъ несомнѣнно умный и даже талантливый. Около 1878 г. въ «Иллюстрированномъ Еженедѣльникѣ» печатались его «Письма изъ Африки», полныя поэтическихъ картинъ и знойнаго колорита юга, вообще обратившія на него общее вниманіе. Въ 1881 г. онъ пріобрѣлъ газету «Новости» («Nowiny»), основанную Пильцемъ, но уже изъ третьихъ рукъ, и короткое время редактировалъ ее умѣло и съ темпераментомъ. Въ первомъ же номерѣ, вышедшемъ подъ его редакціей, помѣщена въ фельетонѣ моя небольшая поэма: «Мужицкая доля». Онъ впрочемъ скоро охладѣлъ къ изданію и перепродалъ его банкиру Кроненбергу, который пригласилъ редакторомъ извѣстнаго писателя Пруса. Въ то время всѣхъ интересовалъ въ Варшавѣ вопросъ: въ состояніи ли громкое и популярное имя само по себѣ создать успѣхъ газетѣ? Оказалось, что не въ состояніи. Кроненбергъ, потерявъ въ теченіе года тысячъ сорокъ, прекратилъ изданіе. Точно также впоследствии Сенкевичъ не создалъ, какъ редакторъ, успѣха «Слову».

Нѣсколько лѣтъ спустя, Финкельгаузъ исчезъ изъ Варшавы, и потомъ многіе его бывшіе знакомые долго не догадывались, что громкій парижскій издатель и спортсменъ баронъ Finot и присяжный повѣренный Финкельгаузъ—одно и то же лицо. Да и теперь не всѣ это знаютъ. Кстати—второй парижскій спортсменъ, полякъ, Высоцкій, владѣлецъ одной изъ болѣе извѣстныхъ джентельменскихъ скаковыхъ конюшенъ—это, какъ мнѣ говорили, бывшій

камердинеръ графа Николая Потоцкаго. Такова изнанка парижскихъ «jockey-club»'овъ.

Останавливаясь на наиболѣе достойныхъ вниманія личностяхъ, я не могу обойти молчаніемъ и моего законоучителя въ гимназіи, ксендза Франца Крупинскаго, несомнѣнно единственнаго въ своемъ родѣ законоучителя на всемъ протяженіи Россійской имперіи. Достаточно сказать, что это былъ знаменитый въ польской литературѣ философъ-материалистъ и одно время лучший передовикъ политическаго отдѣла крупныхъ варшавскихъ газетъ.

Популяризаторъ и историкъ западныхъ философскихъ теченій, какъ политическій публицистъ, долгіе годы бывший столпомъ редакціи «Варшавской Газеты», тогда, когда она наиболѣе читалась и пользовалась наибольшимъ авторитетомъ, Крупинскій очевидно по недоразумѣнію принялъ и носилъ священническій санъ. Церковныя власти относились къ нему неодобрительно, но такъ какъ онъ пользовался общимъ уваженіемъ, то прощали ему многое. Все-таки онъ, кажется, подвергался церковнымъ наказаніямъ. Впрочемъ вся его кипучая и крайне богатая литературно-общественная дѣятельность, не составляя ни для кого тайны, тѣмъ не менѣ протекала анонимно. Онъ самое большее подписывался начальными буквами «Ф. К.», многіе годы хорошо извѣстными всему образованному польскому обществу.

Это былъ высокій, стройный, могучій старикъ, очень напоминающій типомъ лица римскихъ сенаторовъ и патриціевъ, какъ ихъ изображаютъ на картинахъ, произносящихъ рѣчи или засѣдающихъ въ сенатѣ. Говорятъ, что въ былые годы онъ былъ увлекательнымъ и отчасти моднымъ проповѣдникомъ на темы общечеловѣческой этики и социальныхъ отношеній.

Понятно, его уроки Закона Божія очень мало напоминали обычные. Онъ не принуждалъ своихъ учениковъ ходить къ исповѣди и исполнять другія религіозныя требованія (хотя само собою и не отговаривалъ отъ этого), но умѣло пробуждалъ и культивировалъ въ нихъ альтруистическія чувства, любовь ко всему хорошему и если не вѣру, то уваженіе къ вѣрѣ отцовъ, къ основамъ нравственнымъ христіанства, вошедшимъ въ плоть и кровь всего цивилизованнаго человѣчества. Въ средѣ своихъ бывшихъ учениковъ онъ пользовался неизмѣнной любовью и уваженіемъ, что они доказывали и о чемъ заявляли публично при всякомъ удобномъ случаѣ.

Поэзіи онъ не любилъ, потому что не понималъ ее. Одна изъ его статей въ ежемѣсячникѣ «Атеней», гдѣ онъ разносилъ романтизмъ и доказывалъ отсутствіе смысла даже въ нѣкоторыхъ проникнутыхъ романтизмомъ стихахъ Мицкевича, вызвала въ свое время бурную полемику.

Когда ему сказали, что стихи, которые печатаются подъ такимъ-то псевдонимомъ, пишу я, онъ обратилъ на меня вниманіе и пожелалъ познакомиться со мною ближе. Но я, чувствуя, что онъ такой же знатокъ поэзіи, какъ слѣпой красокъ, явился къ нему не со стихами, а съ краткимъ изложеніемъ моего философскаго «credo», въ которомъ мнѣ чудилась чуть ли не новая философская система, и которому одно время я придавалъ значеніе пожалуй большее, чѣмъ стихамъ, такъ какъ очень убѣдительно и просто, казалось мнѣ, объяснялъ здѣсь все, до «начала всѣхъ началъ» включительно. Крупинскій меня разочаровалъ, признавъ за мною лишь стремленіе и способность къ логическому мышленію, при чемъ оказалось, что многое, къ чему я дошелъ своимъ умомъ, не ново и другими высказано гораздо раньше и точнѣе.

III.

Іоанна Кучинская. — Прошлое рода Кучинскихъ. — Доминикъ Кучинскій и его женитьба. — Александръ Кучинскій и его заботы о сохраненіи рода. — Мое посѣщеніе Іоанны Кучинской. — Графъ Константинъ Пржездзецкій. — Его общественная дѣятельность. — Мое отношеніе къ старой и молодой прессѣ.

Въ одно изъ первыхъ моихъ посѣщеній Одынца онъ мнѣ сказалъ:

— Вы живете въ несоотвѣтствующей вашимъ занятіямъ обстановкѣ. У меня есть мысль: если бы она осуществилась, это было бы для васъ большое счастье. Предупреждаю, что, вѣроятно, изъ этого ничего не выйдетъ, но попытать можно. Здѣсь живетъ вдова Іоанна Кучинская... у нихъ тоже гербъ Корвинъ... не родственница ли она вамъ?

— Думаю, что нѣтъ. Если есть родство, то не ближе прадѣда. Болѣе близкія родственныя связи всѣ знаю.

— Это очень богатая помѣщица изъ Подлясья... состояніе ихъ оцѣнивается въ нѣсколько милліоновъ... Они чуть ли не съ начала нынѣшняго столѣтія занимаютъ нижній этажъ въ домѣ графа Урускаго (нынѣ князя Святополкъ-Четвертынскаго), рядомъ съ домомъ графа Августа Потоцкаго, на Краковскомъ предмѣстьѣ. Она старушка, живетъ уединенно съ двумя дочерьми—третья замужемъ за графомъ Островскимъ. Я ихъ хорошо знаю... гостилъ у нихъ въ деревнѣ... предупрежу ее о васъ... Возьмите мою карточку и недѣльки черезъ двѣ навѣстите ее.

— Затѣмъ?—спросилъ я нерѣшительно.

— Если она захочетъ ближе заняться вами, это будетъ для васъ очень хорошо. Родные ваши далеко, вы здѣсь среди чужихъ и можете подпасть подъ дурныя вліянія.

Во мнѣ превозмогло любопытство посмотреть на миллионершу Кучинскую, о существованіи которой я не подозрѣвалъ, и, взявъ рекомендательную карточку Одынца, я обѣщалъ зайти по указанному мнѣ адресу. Но, чувствуя всю неловкость моего положенія въ данномъ случаѣ, я колебался долго, прежде чѣмъ послѣдовалъ совѣту Одынца.

Тѣмъ временемъ я узналъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ этой семьѣ.

Въ началѣ XIX столѣтія проживалъ въ Варшавѣ, на той же квартирѣ, сенаторъ великаго княжества Варшавскаго, Доминикъ Кучинскій, холостякъ, лѣтъ около 50 отъ роду. Когда друзья уговаривали его жениться, подыскавъ и невѣсту въ лицѣ какой-то небогатой вдовушки, онъ какъ-то шутя сказалъ:

— Хорошо... Женюсь, но только тогда, если она среди бѣлаго дня черезъ окошко войдетъ ко мнѣ и сама сдѣлаетъ мнѣ предложеніе.

Благодаря тѣмъ же услужливымъ друзьямъ, такъ и случилось, благо нижній этажъ былъ не высоко, а окна весною открыты. Кучинскій не отказался отъ даннаго при свидѣтеляхъ слова и женился.

Онъ былъ въ родствѣ съ Чарторыйскими. Его братъ, или просто родственникъ, состоялъ при князѣ Адамѣ въ Петербургѣ и послѣ воцаренія Александра I-го былъ посланъ императоромъ привезти опальнаго Аракчеева въ Петербургъ, что и исполнилъ. Подробное описаніе этого эпизода далъ М. Филипповъ, отецъ недавно умершаго редактора «Научнаго Обзоренія». Очеркъ Филиппова печатался или былъ перепечатанъ въ «Свѣтѣ», въ январскихъ номерахъ—если не ошибаюсь—1887 или 1888 года.

Сынъ Доминика, Александръ, прекрасный хозяинъ, женившійся также довольно поздно, былъ долгіе годы предсѣдателемъ скакового общества въ Варшавѣ и послѣднимъ или предпослѣднимъ предводителемъ дворянства Варшавской губерніи. Онъ оставилъ трехъ дочерей. Въ 1890-хъ годахъ я случайно познакомился съ однимъ Кучинскимъ, занимающимъ извѣстное положеніе въ обществѣ, бывшимъ помѣщикомъ, и онъ рассказывалъ мнѣ, что въ юные годы гдѣ-то на заграничномъ курортѣ сблизился съ семьей Александра Кучинскаго, который видимо скорбѣлъ, что родъ ихъ прекращается. «Онъ почти явно предлагалъ мнѣ, чтобы я женился на старшей его дочери, и чтобы такимъ образомъ родовыя имѣнія продолжали оставаться въ родѣ Кучинскихъ. Но я былъ въ то время идеалистъ... женитьбу изъ-за денегъ считалъ позорной»... добродушно жаловался мой мимолетный знакомый.

Оставшаяся вдова Кучинская извѣстна въ литературѣ, какъ авторъ книги: «Мысли о воспитаніи женщинъ», гдѣ проводила умные и передовые для того времени взгляды. Въ то же время она была образцовой управительницей обширныхъ своихъ помѣстій.

На земледѣльческихъ выставкахъ 1870-хъ годовъ, въ числѣ удостоенныхъ высшихъ наградъ, ея имя фигурировало очень часто. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она скончалась.

Когда я наконецъ явился къ ней, меня встрѣтила бодрая и живая старушка, любезная, но великосвѣтской холодной любезностью.

— Одынецъ мнѣ говорилъ про васъ. Онъ даже думалъ, что мы въ родствѣ, но, кажется, ошибается. По крайней мѣрѣ, мой мужъ ничего не говорилъ о существованіи родныхъ въ Литвѣ.

— Одынецъ въ этомъ случаѣ навѣрное ошибается,—отвѣтилъ я—такъ какъ всѣхъ своихъ родственниковъ я знаю, про васъ же я узналъ только отъ Одынца.

— Онъ говорилъ, что вы живете здѣсь въ чужой средѣ, и намекалъ, что я могла бы найти для васъ помѣщеніе у себя, что вы заслуживаете особаго вниманія. Въ этомъ послѣднемъ я не сомнѣваюсь... но я такъ занята... впрочемъ только нѣсколько мѣсяцевъ бываю въ Варшавѣ... Что касается помѣщенія, то у насъ такъ тѣсно... всякая комната имѣетъ свое назначеніе... даже моя старшая дочь, когда пріѣзжаетъ въ Варшаву, останавливается не у меня, а въ Европейской гостиницѣ. Наконецъ, мы здѣсь однѣ дамы... и неудобно...

— Одынецъ для меня очень добръ,—перебилъ я краснѣя:—но едва ли и онъ серьезно говорилъ объ этомъ. Мнѣ стыдно, что вы можете думать, что я явился къ вамъ, рассчитывая на что либо подобное.

Мнѣ стало неловко, я еще сказалъ нѣсколько банальныхъ фразъ и поспѣшилъ ретироваться.

Удовлетворивъ свое любопытство, я довольствовался этимъ, и хотя получилъ въ туманной формѣ разрѣшеніе иногда навѣщать ее, по разрѣшеніемъ этимъ никогда не воспользовался.

Со стороны неизмѣнно мнѣ доброжелательнаго Шимановскаго была также попытка найти мнѣ надежнаго мецената. Благодаря ему, мною заинтересовался графъ Константинъ Пржездзецкій, сынъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и историка Александра, одинъ изъ крупнѣйшихъ польскихъ землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ благодаря миллионному наслѣдству, полученному около того же времени отъ своего дяди, брата матери, послѣдняго изъ литовской отрасли рода бароновъ Тизенгаузовъ.

Пржездзецкій жилъ въ то время одиноко во вновь отстроенномъ палацко на улицѣ Фокзалъ, и я запросто заходилъ къ нему по утрамъ, давалъ читать свои стихи и за чаемъ рассказывалъ обо всемъ, что меня интересовало. Нѣсколько разъ онъ ссужалъ меня и деньгами. Когда черезъ восемь мѣсяцевъ я разстался съ семействомъ фонъ-Л., Пржездзецкій поручилъ своему библіотекарю найти мнѣ квартиру, и тотъ поселилъ меня въ семействѣ, куда

самъ приходилъ обѣдать. Это былъ полубольной, крайне религіозный и педантичный старикъ, и ему, вѣроятно, поручено было наблюдать за мною. Но я выражалъ такія крайнія, возмущающія его, мнѣнія, къ тому же такъ очевидно пренебрегалъ своими научными занятіями, что его отчеты графу не могли быть для меня благопріятны. Постепенно всякая связь между нами порвалась.

Несомнѣнно, Пржездзецкій имѣлъ въ виду послѣ испытательнаго періода взять меня на свое попеченіе.

По его желанію, его посѣтилъ, будучи въ Варшавѣ, и отецъ мой, который былъ польщенъ его любезностью и потомъ не разъ укорялъ меня, что я такъ легкомысленно отнесся къ этому знакомству.

Пржездзецкій былъ въ то время моложавымъ 40-лѣтнимъ мужчиной, съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ, обрамленнымъ рыжеватой бородкой и манерами помѣщика средней руки. Утонченной аристократической атмосферы онъ видимо чуждался, но зато живо и дѣятельно интересовался всякимъ проявленіемъ общественной и умственной жизни польскаго общества. По его мысли и инициативѣ учреждено въ Варшавѣ «Общество поданія скорой помощи», по образцу котораго въ послѣдніе годы основаны такія же общества въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Во время организационныхъ работъ по этому дѣлу онъ преждевременно скончался. Довершилъ начатое братъ его, Густавъ, донинѣ стоящій во главѣ упомянутаго общества, одного изъ наиболѣе полезныхъ, дѣятельныхъ и популярныхъ въ Варшавѣ.

Итакъ я сталъ печататься, обращать на себя вниманіе и заводить знакомства въ разныхъ редакціяхъ. Хотя по своему міровоззрѣнію я былъ очень близокъ къ такъ называемой «молодой прогрессивной прессѣ», но меня отталкивало отъ нея, во-первыхъ, то, что представители ея, и даже лучшіе представители, лишены были совершенно эстетическаго чувства, превозносили всякую тенденціозную дребедень и яро возставали противъ «искусства для искусства»,—во-вторыхъ, то, что они съ какой-то противной для меня желчностью относились къ нашему прошлому, въ нѣкоторомъ родѣ оплевывали собственное гнѣздо. Между тѣмъ я считалъ, что мы, коль скоро жизнь не требуетъ отъ насъ никакихъ жертвъ и позволяетъ пользоваться всѣми ея благами,—не въ правѣ укорять своихъ отцовъ за ихъ ошибки, хотя бы очевидныя и невознаградимыя, и можемъ лишь скорбѣть о нихъ. Мои ближайшіе родные не участвовали въ возстаніи, считая его безцѣльнымъ и безразсуднымъ, но мой двоюродный дѣдушка, Бонифацій Крупскій, за честь провозглашенія его минскимъ воеводой, нѣсколько лѣтъ провелъ въ каторжныхъ работахъ. Въ свое время гремѣлъ его процессъ съ бывшимъ министромъ Маковымъ, къ которому перешло его огромное имѣніе Новоселки. Этотъ процессъ, который велъ другъ Крупскаго, Спасовичъ, былъ имъ проигранъ, хотя вѣсы правосудія и наклонялись одно время

въ его сторону. Возстановленный въ правахъ, онъ наслѣдовалъ послѣ незамужнихъ своихъ сестеръ другое большое имѣніе, и домъ его, патриархальный во всѣхъ отношеніяхъ, до настоящаго времени служить образцомъ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей, а самъ Крупскій пользуется уваженіемъ какъ поляковъ, такъ и русскихъ. Зналъ я и другихъ, пострадавшихъ въ свое время за свои увлеченія, и всѣ они были люди несомнѣнно высокихъ нравственныхъ качествъ, уважаемые и своими и чужими. Слѣдовательно могъ ли я, полякъ, осуждать ихъ, даже сознавая, что они безразсудствомъ своимъ нанесли послѣдующимъ поколѣніямъ ощутительный вредъ?

Замѣчу мимоходомъ, что время измѣнчиво, и нынѣ молодые прогрессисты ударились въ противоположную крайность, вознося на пьедесталь то, о чемъ можно только скорбѣть, и къ чему въ то время они пытались относиться съ безпощаднымъ осужденіемъ. Мнѣ это было не по душѣ, такъ какъ я очень рано усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія, что коль скоро живешь на землѣ, среди людей, то слѣдуетъ относиться съ любовью и къ жизни, и къ землѣ, и къ людямъ. Отталкивалъ меня отъ себя всякій, въ комъ я чувствовалъ желчь, недовольство жизнью и ближними. Впослѣдствіи одинъ изъ знакомыхъ писателей какъ-то сказалъ обо мнѣ: «я увѣренъ, что если бы Кучинскій рѣшилъ повѣситься, то онъ раньше убѣдилъ бы себя, самовнушилъ бы, что это вещь очень пріятная, и уже затѣмъ съ довольной улыбкой полѣзъ бы въ петлю». Теперь я отлично сознаю, что жизнь въ силахъ сокрушить этотъ эллинскій оптимизмъ, но тогда считалъ его несокрушимымъ.

IV.

Исключеніе изъ гимназій.— Мой переѣздъ въ гостиницу «Maringe». — Первые дни самостоятельной жизни.— Голодъ.— Продажа Гебетнеру перваго тома стихотвореній.— Отѣздъ въ деревню.— Гавалевичъ.

Въ концѣ мая 1882 года стало очевидно, что за малоуспѣшность я буду исключенъ изъ гимназій. Такъ и случилось. Наступили каникулы. Срокъ квартирѣ кончился, пришлось собраться и ѣхать домой. Денегъ у меня было въ обрѣзъ на дорогу, рублей 12. Усѣвшись на извозчика и представляя себѣ предстоящее объясненіе съ отцомъ, возможность того, что болѣе онъ не отпуститъ меня въ Варшаву, я струсилъ и, не отдавая себѣ отчета, что будетъ дальше, направилъ извозчика въ первую по дорогѣ гостиницу «Maringe», нынѣ «Французскую», какъ оказалось, одну изъ наиболѣе дорогихъ. Я опомнился только тогда, когда очутился въ просторномъ номерѣ изъ двухъ комнатъ и передней, въ который меня растерявашагося ввели, увѣряя, что номера поменьше всѣ заняты.

— Ты бы махнулъ прямо въ Европейскую гостиницу,—шутилъ потомъ мой двоюродный братъ,—и приказалъ бы отвести номеръ въ 40 рублей, который занималъ эрцгерцога австрійскій.

Я рѣшилъ пробыть въ «Maringe» два-три дня, потомъ переселиться въ маленькую комнатку и начать существовать литературнымъ трудомъ. Содержать же люди себя литературнымъ трудомъ,—думалъ я.—Когда получу мѣсто въ редакціи, и домой поѣхать не будетъ стыдно, и назадъ въ Варшаву меня отпустятъ.

Но дѣло осложнилось тѣмъ, что на первыхъ порахъ мнѣ совѣстно было показаться знакомымъ, такъ какъ они и не подозрѣвали, что я удаленъ изъ гимназіи, и полагали, что я уже въ деревнѣ. На обдумываніе своего положенія, а особенно на созданіе всякихъ фантастическихъ плановъ, прошло дня три-четыре, именно столько, чтобы деньги успѣли разойтись до копейки.

Я слышалъ, что даютъ деньги подъ залогъ вещей, и рѣшилъ на время разстаться съ шубой. О существованіи ссудныхъ кассъ или лавокъ, занимающихся куплей-продажей, я не зналъ и полагалъ наивно, что подъ залогъ шубы получу деньги въ любомъ магазинѣ платья. День былъ очень жаркій, и такъ какъ итти въ шубѣ было неудобно, я взялъ извозчика, не имѣя въ карманѣ ни копейки. Взволнованно и путаясь я въ первомъ попавшемся магазинѣ платьевъ сталъ предлагать свою шубу въ залогъ. Мнѣ отказали. Но отступленіе уже было отрѣзано, такъ какъ нечѣмъ было уплатить извозчику. Я направилъ его въ слѣдующій магазинъ, гдѣ повторилась та же исторія. Продолжая дорогу одной изъ главныхъ улицъ съ рядомъ шикарныхъ магазиновъ платьевъ, я то идѣло останавливалъ извозчика и съ рѣшимостью отчаянья, съ раскраснѣвшимися отъ крайняго волненія лицомъ и налитыми кровью глазами предлагалъ въ залогъ свою шубу. Вѣроятно, я производилъ впечатлѣніе похитителя чужой собственности, спѣшившаго отдѣлаться отъ нея. Между тѣмъ долгъ извозчику росъ, такъ какъ въ Варшавѣ новый курсъ по таксѣ начинается послѣ каждой остановки. Извозчикъ сначала хладнокровно, затѣмъ съ иронической усмѣшкой продолжалъ возить меня по магазинамъ; наконецъ, когда мы такимъ образомъ сдѣлали 15 курсовъ по 20 копеекъ,—предложилъ свезти меня въ такую лавку, гдѣ мою шубу возьмутъ. Мы свернули съ главной улицы въ боковую и остановились передъ грязнымъ домомъ, съ вывѣской портного внутри двора. Здѣсь заявили мнѣ, что въ залогъ ничего не берутъ, но купить шубу согласны и, видя мое смущеніе и растерянность, быть можетъ, подозрѣвая дѣло нечистое, предложили 7 рублей за то, что стоило никакъ не менѣе 50-ти. Изъ этихъ семи рублей я отдалъ извозчику три, и такимъ образомъ цѣною 4 рублей лишился шубы. Во всякомъ случаѣ этотъ эпизодъ стоилъ мнѣ столько стыда и волненія, что надолго отбилъ охоту и поползновеніе продавать свои вещи. О существованіи лом-

бардовъ я узналъ много позже, тогда только, когда сошелся ближе съ литературной варшавской богемой.

Но мои злѣключения только начинались. Вернувшись домой, я нашелъ счетъ гостиницы, нѣсколько преждевременный, но который поспѣшили подать, вѣроятно, замѣтивъ мое безденежье.

— Завтра! — сказалъ я, краснѣя и не зная самъ, откуда у меня будутъ завтра деньги. Я списалъ нѣсколько старыхъ, еще въ Слупцкѣ написанныхъ стихотвореній, лишь бы подлиннѣе, и снесъ ихъ въ редакцію «Еженедѣльника Модъ и Романовъ» («Tygodnik Mòdi Powieści») къ добродушному старику Григоровичу, популярному когда-то писателю для народа и дѣтей, который принималъ у меня все безъ разбора, но платилъ очень мало, по 2 копейки за строку. Благодаря этому, я носилъ ему лишь забракованные въ другихъ редакціяхъ стихотворенія. Григоровича, уже больного въ то время, я засталъ въ состояніи крайняго раздраженія.

— Житья нѣтъ отъ цензуры... хоть въ гробъ ложись, — сталъ онъ жаловаться. — Какіе стихи я могу брать у васъ, если не знаю, позволяютъ ли мнѣ ихъ печатать? Вообразите, послалъ статью, простое описаніе пребыванія Мицкевича въ Петербургѣ и Москвѣ... Мало того, что искромсали ее... зачеркнули самое заглавіе: «Мицкевичъ на чужбинѣ». Говорятъ: «какая же для Мицкевича Петербургъ чужбина? Это его родина». Да вѣдь переѣзжай самъ русскій, напимѣръ, съ сѣвера на югъ, то и о немъ можно сказать, что онъ «на чужбинѣ» (na obczyźnie).

Едва удалось мнѣ уговорить Григоровича взять стихи, убѣдивъ его, что все въ нихъ цензурно. Охая и кряхтя, онъ не читая сталъ считать строчки и наконецъ уплатилъ мнѣ около 11 рублей. Увы! для того, чтобъ уплатить по счету, надо было немного больше. Я проболтался въ городѣ до полуночи и наконецъ, увѣренный, что ночью не станутъ у меня спрашивать денегъ, вернулся въ номеръ.

Наутро я вышелъ изъ номера около 7 часовъ, захвативъ съ собою книжку своихъ стихотвореній, въ которую, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ, вписывалъ всѣ стихи, печатанные въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Я зналъ, что издатели стихотворенія брали неохотно, а если и брали, то иногда задаромъ, но рѣшилъ попытать счастья. Къ вечеру мнѣ удалось переговорить съ Густавомъ Гебетнеромъ, совладѣльцемъ крупнѣйшей въ Варшавѣ книгоиздательской фирмы «Гебетнеръ и Вольфъ», а также вмѣстѣ съ Шимановскимъ, владѣльцемъ «Варшавскаго Курьера». Онъ съ любезной снисходительностью взялъ мою книжку, сказавъ, что читаетъ мои стихи въ «Курьерѣ», и что, быть можетъ, дѣло между нами выгоритъ. Рѣшенія просилъ обождать дней пять.

Въ теченіе этихъ пяти дней я уходилъ изъ номера раннимъ утромъ и возвращался только къ полуночи, желая избѣгнуть во

что бы то ни стало приставаній съ уплатой по счету. Цѣлыми часами я просиживалъ въ кофейняхъ за газетами, блуждалъ по Лазенкамъ, Ботаническому саду и окрестностямъ Варшавы, избѣгая вообще центра города и встрѣчи со знакомыми. На четвертый день проснулся опять безъ копейки и побрелъ къ Ботаническому саду. Рядомъ въ Лазенкахъ былъ источникъ, гдѣ по временамъ я могъ бесплатно утолять жажду. Солнце далеко уже перевалило за полдень, когда я почувствовалъ, что хорошо бы поѣсть. Дѣлать нечего: рѣшилъ итти къ тетушкѣ. Къ несчастью опоздалъ: кончили послѣднее блюдо и сидѣли за десертомъ.

Встрѣтили меня восклицаніями удивленія, что я въ Варшавѣ, а не въ деревнѣ, но все-таки спросили, обѣдалъ ли.

— «Только что пообѣдалъ»,—выпалилъ я неожиданно для самого себя. Мнѣ казалось: скажи, что я не обѣдалъ, и всѣ догадуются, что мнѣ не на что было купить обѣдъ. Впрочемъ, очутившись въ обществѣ, въ пылу оживленнаго разговора, я какъ будто пересталъ на время ощущать голодъ.

— Ну, а десерта хочешь?

— Съ удовольствіемъ,—небрежно проговорилъ я, протягивая руку за блюдечкомъ со свѣжей земляникой.

Увы! не успѣлъ я дотронуться до ягодъ, какъ оказалось, что барышнѣ, напротивъ меня, не хватило земляники. Я любезно предложилъ ей свое блюдечко. Но, начиная въ душѣ уже досадовать на недогадливость тетушки, не настаивающей на томъ, чтобы я непремѣнно чего либо поѣлъ, я пренебрежительно сталъ выслушивать ея нравоученія и наконецъ ушелъ, какъ и пришелъ, натошакъ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ ѣсть не хочется,—бодрился я, опять направляясь въ Ботаническій садъ.

— А! Кучинскій! ты откуда?

Бывшіе товарищи изъ гимназіи пообѣдали и идутъ въ Лазенки слушать музыку.

— «Пообѣдали?»—думалъ я.—Говорятъ, что когда голодному вспомнить про обѣдъ, то у него текутъ слюнки... Вздоръ!—ничего у меня не течетъ. Да и не голоденъ я. Интересно, долго ли я могу не ѣсть? Дня два-три навѣрное».

Такимъ образомъ, храбрясь и увѣряя себя, что ѣсть мнѣ совершенно не хочется, я провелъ весь день—первый этого рода день въ жизни—и только въ обычное время, къ полуночи, вернулся въ свой номеръ.

Наутро проснулся съ тяжелой головой, но опять въ 7 часовъ вышелъ, захвативъ съ собою нѣсколько нотъ (я немного игралъ на рояли). За эти ноты мнѣ букинистъ предложилъ пять копеекъ, и я немедленно обмѣнялъ ихъ на пять копеечныхъ булокъ, которыя въ Саксонскомъ саду съѣлъ, запивъ ключевой водою.

Утоливъ такимъ образомъ первый голодъ, я вынулъ захваченные съ собою бумажку и карандашъ, рѣшивъ написать стихи, продать ихъ и пообѣдать, такъ какъ хотя Гебетнеръ долженъ былъ рѣшить участь моихъ стихотвореній сегодня, но только къ вечеру. Раздумывая, о чемъ мнѣ писать, я вспомнилъ, что сегодня варшавская публика прощается съ чешской пѣвицей, которой впрочемъ я никогда не видѣлъ и не слышалъ. Обращаясь къ ней, я наскоро сочинилъ нѣсколько трогательныхъ прощальныхъ строфъ и снесъ ихъ въ «Варшавскій Курьеръ», котораго въ послѣднее время избѣгалъ, совѣстясь объясненій съ Шимановскимъ насчетъ гимназiи. Но такъ какъ не вездѣ платили за стихи сразу, въ «Курьерѣ» же платили, то пришлось идти туда. Къ счастью, меня встрѣтилъ и принялъ стихи секретарь.

Я былъ пораженъ, когда тотъ же секретарь, встрѣтившись со мною на слѣдующій день на улицѣ, торжественно заявилъ:

— Ваше стихотвореніе великолѣпно. Мы восхищены имъ. Елинекъ (чешскій писатель) взялъ автографъ въ Прагу и передастъ его въ чешскій музей.

Какъ я ни былъ польщенъ, но подумалъ, что не стоитъ создавать музеевъ, если въ нихъ накаплиють подобныя глупости.

Къ вечеру этого же дня я явился къ Гебетнеру. Онъ согласился издать мои стихи и тутъ же уплатилъ мнѣ сто рублей. При этомъ сказалъ, что книжку мою просматривалъ извѣстный писатель Гавалевичъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть автора, и просить меня зайти къ нему.

Рассчитавшись въ гостиницѣ, я рѣшилъ ѣхать домой. Правда, меня исключили изъ гимназiи, но зато мои стихи издаетъ солиднѣйшая польская книгоиздательская фирма. Это въ нѣкоторомъ родѣ узаконивало мои стремленія къ литературному труду, давало мнѣ право вернуться обратно въ Варшаву.

Такъ утѣшалъ я себя въ виду грядущей встрѣчи и объясненій съ отцомъ.

Передъ отъѣздомъ я побывалъ у Гавалевича. Онъ и донинѣ одинъ изъ видныхъ литературныхъ работниковъ, одна изъ популярнѣйшихъ личностей въ Варшавѣ. Обладая самъ недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, онъ принесъ его въ жертву многосторонней и добросовѣстной журнальной дѣятельности. Въ сѣрой массѣ заурядныхъ журнальных поденщиковъ онъ ярко выдѣляется тонкимъ художественнымъ вкусомъ, безукоризненнымъ слогомъ, чувствомъ мѣры и такта во всѣхъ своихъ сужденіяхъ. Онъ плодовитый авторъ многихъ повѣстей, рассказовъ, сценическихъ пьесъ, статей критическихъ и пр. Быть можетъ, его художественныя произведенія много теряють отъ того, что ихъ авторъ погрязъ одновременно въ журнальной работѣ, но журналистика безусловно выигрываетъ отъ того, что въ ней работаетъ художникъ. Дайте любой журналистикѣ де-

сятъ Гавалевичей, и ея уровень замѣтно поднимется. Но такъ какъ въ журналистикѣ, и польской и другихъ, изъ года въ годъ все болѣе такихъ работниковъ, которые также хорошо могли бы быть сапожниками, какъ и журналистами, для которыхъ журналистика или ремесло, или средство удовлетворенія самолюбію, то неудивительно, если ихъ коробитъ первенствующая здѣсь роль такихъ Гавалевичей, которую тѣ приобрѣтаютъ какъ-то само собою.

Помилуйте, человѣкъ не становится на дыбы... не лѣзетъ впередъ съ собственнымъ «я». Безцвѣтная личность!»

Впрочемъ, если отбросить въ сторону голосъ этого рода крикливыхъ, сомнящихъ бездарностей, Гавалевичъ пользуется въ Варшавѣ широкими и вполне заслуженными симпатіями.

V.

Семейныя дѣла. — Исторія имѣнія Корытно. — Изъ прошлаго Ландварово-Роменской жел. дороги. — Инженеры. — Антоновичъ. — Наши отношенія къ русскимъ. — Вторичный отъѣздъ въ Варшаву.

Когда я пріѣхалъ домой, то узналъ, что въ дѣлахъ моего отца послѣдовалъ рѣзкій поворотъ къ худшему. Наше имѣніе въ Слуцкомъ уѣздѣ было въ долгосрочной арендѣ, мы же арендовали имѣніе въ 15.000 десятинъ крупнаго землевладѣльца Войнилловича. Контрактъ на имѣніе давно кончился, но отецъ, находясь въ отличныхъ отношеніяхъ съ Войнилловичемъ, не спѣшилъ съ заключеніемъ новаго. Между тѣмъ тотъ неожиданно скончался, наслѣдники же порѣшили сами хозяйничать въ имѣніи и предложили отцу выѣхать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Слѣдовало въ скорѣйшемъ времени подыскать вблизи другое имѣніе, куда бы можно было перевести довольно крупное хозяйство.

Отецъ былъ не блестящій хозяинъ, и хотя владѣлъ имѣніемъ почти даромъ, такъ какъ арендная плата не многимъ превышала сумму всѣхъ налоговъ и контрибуцій, но денегъ не копилъ. О томъ, чтобы найти аренду на подобныхъ условіяхъ, не могло быть рѣчи. Наоборотъ, цѣны на аренды поднялись въ тѣ годы выше мѣры.

Такимъ образомъ дома царила неизвѣстность и нѣсколько угнетенное состояніе. Къ счастью, оказались вблизи крупныя имѣнія литовскаго магната Завиши (нынѣ его дочери, гр. Маріи Красинской, вдовы послѣ гр. Людвига), живущаго постоянно въ Варшавѣ. Съ управляющимъ шло дѣло туго, но я не зналъ, что Одынецъ хорошо знакомъ съ Завишей, и общалъ по возвращеніи въ Варшаву устроить все дѣло.

Любопытна исторія имѣнія Войнилловича, Корытно, въ которомъ мы жили. До надѣла крестьянъ оно составляло чуть ли не 20.000

десятины, приобретено же было Войнилловичемъ, да и то въ видѣ одолженія, за 30.000 рублей отъ извѣстнаго составителя хронологическихъ таблицъ, Язвинскаго.

Вдали отъ рѣкъ и всѣхъ путей сообщенія, несмотря на хорошую землю и прекрасный строевой лѣсъ, оно долгіе годы давало одни убытки, и Войнилловичъ съ радостью согласился отдать его отцу за 1,000 рублей въ годъ, между тѣмъ какъ одни налоги и подесятинная контрибуція достигали 900 рублей. Почти въ то же время онъ продалъ мѣстному еврею, кажется, за 28.000 рублей, право вырубать лѣсъ въ теченіе 12 лѣтъ. Это казалось блестящей аферой, такъ какъ одна перевозка лѣсъ должна была поглотить почти всю его стоимость. Но, спустя два-три мѣсяца, стало извѣстно, что черезъ имѣніе пройдетъ вновь строящаяся Ландварово (нынѣ Либава-) Роменская желѣзная дорога, и купецъ, купившій лѣсъ въ кредитъ почти безъ денегъ, на этомъ одномъ дѣлѣ заработалъ сотни тысячъ, сразу ставъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ мѣстныхъ лѣсопромышленниковъ.

Въ мсей памяти ярко сохранились воспоминанія о веселыхъ годахъ постройки желѣзной дороги (1871 — 1873). Къ намъ понаѣхали инженеры, строители, гости не переводились. Однажды отецъ даже угощалъ московскихъ тузовъ, фонъ-Мекка, Мамонтова, графа Манского и др., пріѣхавшихъ къ намъ въ специальномъ поѣздѣ охотиться на медвѣдей и лосей.

Благодаря этой поѣздкѣ, молодой, очень симпатичный инженеръ, Александръ Ивановичъ Антоновичъ, попавшій къ намъ прямо изъ института, быстро сдѣлалъ блестящую карьеру, такъ какъ фонъ-Меккъ, строитель дороги, обратилъ на него вниманіе, перевелъ въ Москву и, спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣлалъ директоромъ Московско-Рязанской дороги. Антоновичъ женился на бѣдной учительницѣ въ семьѣ нашихъ сосѣдей, и впослѣдствіи, когда многіе изъ нихъ, благодаря легкомыслію или превратностямъ судьбы, лишились всего своего состоянія, эта учительница, съ помощью своего мужа, пристраивала ихъ на мѣста, спасала отъ нищеты. Когда все было потеряно, оставалось еще ѣхать въ Москву, просить у Антоновичей мѣста. И онъ, если только могъ, не отказывалъ. Надо замѣнить того сознаться, что мы и его, и всѣхъ русскихъ инженеровъ принимали очень радушно.

Въ лицѣ ихъ мы впервые и къ взаимному удовольствію познакомились съ русскими, такъ какъ мѣстный русскій чиновникъ являлся къ намъ только затѣмъ, чтобы сказать, что этого нельзя, а за это слѣдуетъ получить столько-то. Онъ дѣлалъ карьеру на прижимистости, стоялъ на стражѣ всякихъ ограниченій, до права имѣть учителя польскаго языка включительно, и понятно не могъ быть намъ симпатиченъ и близокъ. Но инженеры—безразлично, типа ли скромнаго благовоспитаннаго юноши, или широкой русской

натуры нараспашку — сразу явились къ намъ, какъ равные къ равнымъ, какъ желанные гости съ широкаго свѣта къ тосковавшимъ на безлюдьѣ провинціаламъ. Наживать на этомъ знакомствѣ мы ничего не наживали, такъ какъ подрядами, на которыхъ дѣлались состоянія, ворочали у насъ исключительно евреи.

Вообще мы, оставаясь поляками, и поэтому естественно несочувствующими ограниченіямъ нашихъ правъ, тѣмъ не менѣе никогда никакихъ предубѣжденій противъ русскихъ, какъ таковыхъ, не питали. И это фактъ скорѣе общій, чѣмъ единичный. И *vice versa*: извѣстно, что русская интеллигенція также никакихъ предубѣжденій противъ поляковъ не питаетъ и въ коренной Россіи встрѣчаетъ ихъ дружелюбно и радушно.

Я рано, почти одновременно, увлекался и польской и русской литературой. Громадное впечатлѣніе на меня произвело «Дѣтство и отрочество» Толстого, а также «Отцы и дѣти» Тургенева. Я ихъ перечитывалъ съ возрастающимъ восхищеніемъ многократно.

Между 14—16 годами я пробовалъ писать и русскіе стихи. Они у меня не сохранились, хотя отрывки кой-чего до сихъ поръ врѣзались мнѣ въ память. Напримѣръ, помню слѣдующую строфу пѣсни воиновъ, идущихъ въ бой:

«Быть можетъ, солнце выступая,
Послѣдній разъ взошло ужъ намъ,
Но есть за гробомъ жизнь иная,
Сіяетъ краше солнце тамъ..
Впередъ! щадить ли жизни бремя?..
Побѣда ль, смерть насъ завтра ждетъ,
Но за родныхъ, родное племя,
За ихъ свободу, миръ—впередъ!»...

Эту пѣсню (строкъ 20—30) какой-то студентъ свезъ въ Петербургъ и говорилъ, что ее приняли, кажется, въ «Живописное Обозрѣніе», но что требуютъ какихъ-то поправокъ. Я поправокъ никакихъ не дѣлалъ, но все-таки упоминаю объ этомъ, такъ какъ возможно, что это стихотвореніе и было гдѣ либо напечатано. Русскихъ журналовъ за эти годы я никогда не имѣлъ въ рукахъ.

Я прекратилъ писать русскіе стихи, не подчиняясь въ этомъ рѣшительно никакому вліянію, но потому, что понималъ, что на обоихъ языкахъ одинаково хорошо писать я не въ состояніи, и что мнѣ слѣдуетъ выбрать одинъ. Хотя національное самосознаніе было въ то время выражено у меня еще въ довольно слабой формѣ, но все-таки оно было, и для меня не могло быть сомнѣнія, что я, полякъ, долженъ предпочесть польскій языкъ.

Однажды въ русскомъ обществѣ мнѣ случилось слышать, какъ учитель, русскій, удивлялся, что ученики поляки, подчиняющіеся всѣмъ требованіямъ въ низнихъ классахъ безпрекословно, въ высшихъ классахъ круто измѣняютъ свое отношеніе къ вопросамъ

національнымъ. Для меня очевидно, что этому не причастно подозрѣваемое вліяніе семьи, что это только естественное послѣдствіе пробуждающагося въ эти годы самосознанія въ юношѣ. Тогда-то именно образуется рѣзкая отличительная черта между отцами и дѣтьми, тогда юноша, переживая медовые мѣсяцы самостоятельной внутренней жизни, упорно оберегаетъ эту самостоятельность отъ посягательства на нее школьнаго, напередъ предназначеннаго и одинаковаго для всѣхъ шаблона, какъ и самой семьи.

Въ 1886 году я, по желанію одного петербургскаго издателя, перевелъ на русскій языкъ «Думу казака Золоторенки» Залѣскаго. Переводъ понравился и былъ напечатанъ, но онъ дался мнѣ съ трудомъ, я имъ не былъ удовлетворенъ и больше попытокъ въ этомъ направленіи не дѣлалъ.

Итакъ я явился въ деревню выгнаннымъ изъ гимназіи за лѣность школьникомъ, но одновременно какъ бы официально признаннымъ поэтомъ. Я увѣрялъ отца, чему онъ плохо вѣрилъ, что теперь въ Варшавѣ смогу содержать себя самъ литературнымъ трудомъ.

Когда лѣто прошло, и я все болѣе настоятельно сталъ проситься въ Варшаву, отецъ мнѣ наконецъ сказалъ:

— Содержать тебя въ Варшавѣ мнѣ не по средствамъ. Но ты не годишься къ хозяйству, и болтаться тебѣ здѣсь безъ дѣла тоже стыдно. Поѣзжай и попытай счастье. Быть можетъ, что либо изъ этого и выйдетъ. Вотъ тебѣ 75 рублей, и на большее отъ меня не рассчитывай. Если будетъ плохо, ѣсть будетъ нечего, возвращайся. Если въ самомъ дѣлѣ можешь, проси Одынца—пусть рекомендуетъ тебя Завишѣ,... поговори съ нимъ насчетъ имѣнія.

Таковъ былъ мой вторичный отъѣздъ уже на самостоятельную жизнь въ Варшавѣ. Мнѣ было 19 лѣтъ.

I. Корвинъ-Кучинскій.

(кончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО¹⁾.

VI.

Мое сотрудничество въ «Газетѣ Польской».—Дебютъ въ качествѣ литературнаго критика. — Денежныя дѣла. — Генкель. — Его мнѣніе о русскомъ и польскомъ романѣ, о русской и польской поэзіи. — Полученіе отъ Кроненберга стипендіи. — Рекомендательныя письма. — Отъѣздъ въ Краковъ.

ПРИВЕЗЪ въ Варшаву нѣсколько десятковъ записанныхъ мною бѣлорусскихъ пѣсенъ, и ихъ охотно стали печатать въ «Газетѣ Польской». Затѣмъ я какъ-то купилъ новую книгу и далъ о ней туда же отзывъ. Его напечатали, за нимъ послѣдоваль второй, третій, а затѣмъ мы сами стали давать изъ редакціи книги для отзывовъ. Такимъ образомъ мое сотрудничество въ «Газетѣ» устроилось какъ-то само собою, хотя оно и продолжало имѣть характеръ случайный, непостоянный.

Въ отзывахъ своихъ о литературныхъ произведеніяхъ я не стѣснялся ни именемъ, ни положеніемъ автора и рубилъ правду съ плеча, такъ что мои отчеты вскорѣ обратили на себя вниманіе и создали много недовольныхъ. Но я упорно и безъ всякихъ оговорокъ стоялъ на точкѣ чистаго искусства и съ этой точки смотрѣлъ на все, что имѣло претензію считаться произведеніемъ искусства.

Долженъ сознаться, что въ составленіи этихъ рѣзкихъ приговоровъ играло роль и самолюбіе: я хотѣлъ показать и доказать, что обладаю художественнымъ вкусомъ, и что меня никакой ремесленной поддѣлкой подъ искусство не проведешь.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIV, стр. 124.

И, вѣроятно, обосновывалъ свои отзывы довольно ясно и мѣтко, такъ какъ «Газета» безъ возраженія печатала все; насколько помню, ни одной рецензіи редакція мнѣ не возвратила и даже не передѣлала, не смягчила. И это, несмотря на то, что я сталъ писать рецензіи въ «Газетѣ», какъ потомъ узналъ, непосредственно послѣ Сенкевича, который во всякомъ случаѣ болѣе считался съ выраженіями.

— Что это вы вышучиваете стихи Жмиховской въ «Новой Антологіи»?—сказалъ мнѣ кто-то съ упрекъ.

— Онъ правъ,—отвѣтилъ за меня присутствовавшій тутъ же Гавалевичъ. — Стихи плохіе, и такихъ стиховъ у Жмиховской, сколько угодно.

— Но вѣдь имя!.. общепризнанное имя!..

— Что жъ подѣлаешь?.. имя громкое, а стихи все-таки плохіе.

Такимъ образомъ я видѣлъ, что всѣ, которыхъ мнѣніемъ я дорожилъ, понимаютъ меня, — и продолжалъ, не стѣсняемый ничѣмъ, судить строго и нелицепріятно.

Гонораръ я получалъ, какъ это ни странно, почти такой же, какъ и за стихи. Только много позже гонораръ за стихи мнѣ былъ увеличенъ до 7½ — 10 — 15 копеекъ. Такой увеличенный гонораръ получала въ то время только Конопницкая, да еще, быть можетъ, два-три старшихъ поэта. Столь неестественное соотношеніе вознагражденія за прозу и поэзію, которая должна бы оплачиваться, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ дороже, существующее въ польской журналистикѣ и понынѣ, обусловливается развѣ тѣмъ, что господа издатели упорно стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что нельзя де допустить, чтобы поэтъ могъ содержать себя одними стихами. Вѣдь это было бы поощреніемъ крайней лѣнности. Для самого же поэта лучше, если онъ обезпечитъ себя доходами изъ другихъ источниковъ и не будетъ писать стиховъ ради гонорара.

Въ матеріальномъ отношеніи я нуждался постоянно, благодаря полному неумѣнію обращаться съ деньгами. Пріѣхавъ въ Варшаву съ нѣсколькими десятками рублей, я началъ съ того, что большую часть отдалъ первому же, который, увидѣвъ у меня деньги, попросилъ въ долгъ. Точно также самъ бралъ въ долгъ и не возвращалъ. Вообще на деньги обращалъ вниманіе только тогда, когда въ карманѣ не оказывалось ни копейки, что сплошь да рядомъ случалось. Между тѣмъ, кромѣ театра, у меня не было ни одной страсти, требующей чрезвычайныхъ расходовъ, и, вѣроятно, многіе, зарабатывая столько же, сколько я, сумѣли бы прожить отлично.

Дѣло отца, благодаря Одынцу, я устроилъ, и Завиша поручилъ управляющему отдать намѣченное отцомъ имѣніе въ аренду. Но оно было расцѣнено такъ дорого, что отецъ ежегодно и крупно терялъ на немъ; не имѣя же наличныхъ, запутывался въ долги, которые, спустя три-четыре года, приняли совершенно ростовщиче-

скій характеръ. Кредитъ исчерпывался, даже за 18—20 процентовъ денегъ достать становилось трудно, и мы были наканунѣ полного разоренія. Къ счастью, аренда нашего имѣнія кончилась, и мы перѣхали туда. Во всякомъ случаѣ, эта неудачная шестилѣтняя аренда имѣнія Завиши подорвала наше благосостояніе въ корнѣ, и только путемъ многихъ лишеній удалось спасти собственное имѣніе отъ разгрома.

Въ «Газетѣ Польской» первые мѣсяцы я имѣлъ дѣло съ самимъ редакторомъ, Эдуардомъ Лео, дядей банкира Станислава Кроненберга. Онъ (Лео) принималъ меня очень любезно, печаталъ и давалъ авансы очень легко, но собственно интересовался мною очень мало. Осенью пріѣхалъ изъ отпуска секретарь редакціи, Діонисій Генкель, который обыкновенно завѣдывалъ всѣмъ, такъ какъ Лео, кромѣ редакціи, засѣдалъ въ разныхъ совѣтахъ и правленіяхъ.

Тотъ сразу обратилъ на меня болѣе серьезное вниманіе, и я сталъ навѣщать по вечерамъ его холостую квартиру.

Это была личность изъ тѣхъ, которые хотя сами въ литературѣ виднаго мѣста не занимаютъ, но которыхъ благотворное вліяніе на лучшие современные умы такъ ярко и такъ замѣтно, что въ исторіи литературы имъ принадлежитъ, по праву, видная страница.

Его причастности къ литературѣ предшествовала бурная и грустная юность.

Приговоренный за участіе въ возстаніи къ смерти, какъ несовершеннолѣтній, Генкель былъ помилованъ и сосланъ въ Сибирь. Долголѣтнее пребываніе въ сибирскихъ тюрьмахъ подточило его здоровье, но не наложило на его характеръ ни малѣйшаго оттѣнка злобы или горечи. Объ испытанномъ онъ рассказывалъ съ эпическимъ добродушіемъ, о знакомствѣ съ русскимъ народомъ — съ симпатіей.

Вернувшись, онъ заявилъ себя, какъ выдающійся поэтъ, какъ тонкій и неліцепріятный художественный критикъ. Болѣе умныхъ и дѣльныхъ критическихъ статей я на польскомъ языкѣ не читалъ. Но шумиха рекламы не сопровождала его, и онъ вскорѣ, поглощенный журнальной работой, замолкъ. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ виднаго сотрудника самой серьезной и умной ежедневной газеты, онъ вліялъ очень плодотворно и сильно на многихъ изъ лучшихъ современныхъ писателей.

Достаточно упомянуть Сенкевича, который только въ «Газетѣ Польской» обнаружилъ свой выдающійся талантъ, далѣе Косякевича, Козловскаго, Маньковскаго, Вейссенгофа и другихъ, изъ которыхъ каждый представлялъ или представляетъ талантъ несомнѣнный, а всѣ начинали литературную дѣятельность подъ плодотворнымъ вліяніемъ Генкеля.

О русскомъ романѣ Генкель былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія.

— Удивительное дѣло,—разъ какъ-то я сказалъ ему:—взялъ вчера въ руки какую-то старую книжку русскаго журнала и сталъ читать разсказъ. Имя автора совершенно неизвѣстно и давно, вѣроятно, забыто. Между тѣмъ, прелесть, что такое!.. жизнь... чувство... правда... все тутъ!..

— Да,—отвѣтилъ Генкель,—у нихъ отличная школа романа... пожалуй, лучшіе въ Европѣ учителя: Толстой, Тургеневъ, Достоевскій... Между тѣмъ школа польскаго романа еще только зарождается. Если бы меня на весь день привязали къ столу и дали на выборъ: зѣвать или читать произведеніе какого нибудь изъ нашихъ молодыхъ романистовъ, я бы предпочелъ зѣвать. Открывая же книгу русскаго романа, даже второстепеннаго автора, я напередъ увѣренъ, что его стоитъ прочесть...

— И замѣчательно,—продолжалъ онъ,—что насколько русскій романъ выше польскаго, настолько польская поэзія выше русской. Стихи въ русскихъ журналахъ безцвѣтны, анемичны, въ лучшемъ случаѣ приличное подражаніе хорошему образцу. Между тѣмъ сколько у насъ поэтовъ, про которыхъ мы сами забываемъ, тогда какъ гдѣ либо въ Европѣ они бы пользовались всемірною извѣстностью. Да и теперь найдите въ Европѣ поэта, равнаго по изяществу формы, по силѣ чувства—Конопницкой...

Я долженъ оговорить, что столь пессимистическое мнѣніе о польскомъ романѣ высказано было какъ разъ наканунѣ его неожиданнаго и блестящаго подъема. Ожешкова, начавъ со слабыхъ и тенденціозныхъ повѣстей, вскорѣ дала такія выдающіяся вещи, какъ «Надъ Нѣманомъ», «Хамъ» и другія. Почти одновременно вполнѣ опредѣлился и первоклассный талантъ Сенкевича. Далѣе, совершенно неожиданно Дыгасинскій, чуть ли не на старости лѣтъ, оказался блестящимъ бытописателемъ народной жизни, въ духѣ Глѣба Успенскаго, но въ болѣе художественной, чѣмъ онъ, формѣ и съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Появились наконецъ молодые несомнѣнные таланты. Но наканунѣ этого польскій романъ дѣйствительно совсѣмъ было зачахъ.

Съ другой стороны, и русская поэзія сдѣлала съ этого времени замѣтный шагъ впередъ. Фофановъ, Лохвицкая—это уже дѣйствительные поэты, и ихъ право выражать свои чувства стихами—несомнѣнно.

Приблизительно въ это время я познакомился съ двумя произведеніями русской литературы, подъ впечатлѣніемъ которыхъ остаюсь и понынѣ: это—«Въ лѣсахъ» Печерскаго и «Война и миръ» Толстого.

Возможности испытать болѣе наслажденіе, чѣмъ то, какое мнѣ доставило произведеніе Толстого, я не могу себѣ представить, какъ не могу себѣ представить ничего выше въ художественномъ

отношеніи. Читая, я, казалось, гораздо осязательнѣе и глубже проникъ въ изображаемую жизнь, чѣмъ до того времени проникалъ въ свою собственную будничную жизнь. Вообще здѣсь художественное творчество вылилось именно въ такія формы, которыя въ своихъ представленіяхъ объ искусствѣ я считаю наилучшими, наиболѣе совершенными. «Анна Каренина» и всѣ другія произведенія Толстого— какъ ни хороши, но уже далеко не то. «Дѣтство и отрочество» тоже въ своемъ родѣ совершенство, но гораздо болѣе узкаго масштаба.

Генкель былъ въ очень близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ со Станиславомъ Кроненбергомъ, который также нѣсколько заинтересовался моимъ сотрудничествомъ въ «Газетѣ Польской». Они вдвоемъ порѣшили, что мнѣ еще рано обивать пороги варшавскихъ редакцій, и что я долженъ продолжать ученіе. Кроненбергъ назначилъ мнѣ 30 гульденовъ ежемѣсячной стипендіи и направилъ, по указанію Генкеля, въ Краковъ. Въ числѣ рекомендательныхъ писемъ, Шимановскій далъ мнѣ письмо къ директору Ягеллоновской бібліотеки, Эстрейхеру, очень вліятельному, такъ какъ изъ братьевъ его жены, Дунаевскихъ, одинъ былъ кардиналомъ-епископомъ краковскимъ, другой — министромъ финансовъ. Впрочемъ Эстрейхеру я былъ давно извѣстенъ, такъ какъ еще въ Слупскѣ онъ переписывался со мною по дѣлу бібліотеки слупскаго пастора, Бергеля, изъ которой впослѣдствіи, послѣ смерти Бергеля, краковская бібліотека приобрѣла болѣе рѣдкія изданія.

Въ самомъ началѣ 1883 года я уѣхалъ въ Краковъ, чтобы въ качествѣ вольнослушателя записаться въ Ягеллоновскій университетъ.

VII.

Краковъ.—Ягеллонская бібліотека.—Эстрейхеръ.—Университетъ.—Тарновскій.—Исторіи польской литературы: его и Совинскаго.—Смолька.—Артуръ Бартельсъ.

Краковъ по сравненію съ Варшавой произвелъ на меня впечатлѣніе соннаго, провинціальнаго города. Вся жизнь сосредоточивалась здѣсь на рынкѣ, квадратной площади, застроенной неказистыми, большею частью старинной архитектуры домами. Посреди рынка высилось длинное, узкое, недавно заново отстроенное зданіе въ два этажа, такъ называемое «Сукеннице», внизу занятое подъ магазины, съ крытой галлереей, какъ гостинный дворъ въ Петербургѣ, въ верхнемъ же этажѣ вмѣщающее, между прочимъ, «національную картинную галерею». Основаніе ей, какъ извѣстно, положилъ Семирадскій пожертвованіемъ на юбилей Крашевскаго, въ 1879 году, своей знаменитой картины: «Свѣточи христіанства».

Отъ рынка во всѣ стороны расходятся узкія, короткія улицы, оканчивающіяся у такъ называемыхъ «плянтовъ» — бульваровъ, окружающихъ весь городъ. За этими небольшими бульварами, немного шире московскихъ, — уже собственно предмѣстья Кракова, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ застроенныя очень чисто, съ домами - особняками представителей краковской аристократіи и плутократіи.

Всѣ правительственныя и общественныя учрежденія, театръ, университетъ, гостиницы, если не на самомъ рынкѣ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Отъ одного изъ угловъ рынка тянется, въ противоположность прочимъ, сплошь устѣянная магазинами, почти исключительно еврейскими, улица, составляющая начало еврейской части города. Отъ нея внизъ къ Вислѣ и по ту ея сторону тянется рядъ грязныхъ, старинныхъ улицъ и переулковъ, сплошь или преимущественно заселенныхъ евреями. Это такъ называемое предмѣстье «Казимержъ».

На мѣстѣ этого предмѣстья, по ту сторону Вислы, стоялъ старинный городъ Краковъ, построенный чехами или моравами въ видѣ укрѣпленія на границѣ ихъ владѣній и затѣмъ, въ 999 году, присоединенный къ Польшѣ Болеславомъ Храбрымъ. Такимъ образомъ нынѣшній Краковъ, построенный уже поляками по другую сторону Вислы, напротивъ стараго, хранить въ своихъ оберегаемыхъ донынѣ памятникахъ старины девять столѣтій, а слѣдовательно всю достовѣрную исторію Польши.

Краковскій университетъ, по времени одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, основанъ Казимиромъ Великимъ въ 1364 году. Недавно праздновавшееся пятисотлѣтіе его приноврено было не къ его основанію, а преобразованію въ царствованіе Владислава Ягеллы.

Въ старинномъ зданіи «Ягеллонской библіотеки» меня встрѣтилъ, поднявшись изъ-за груды книгъ и листовъ, директоръ ея, Карлъ Эстрейхеръ, авторъ капитальной «Польской библіографіи», въ то время 50-лѣтній уже старикъ, здравствующій и работающій въ библіотекѣ и понынѣ. Средняго роста, съ серебрищейся бородой и серіознымъ, ласковымъ взоромъ, по типу лица онъ мнѣ нѣсколько напомнилъ моего отца.

Прочтя письмо Шимановскаго, онъ отнесся ко мнѣ очень внимательно и, не щадя времени, облегчилъ своими указаніями и хлопотами поступленіе въ число вольнослушателей Краковского университета. Кромѣ того, предоставилъ мнѣ возможность заниматься въ стѣнахъ библіотеки и даже брать книги на домъ.

Кромѣ своихъ библіографическихъ работъ, Эстрейхеръ извѣстенъ, какъ цѣнитель и знатокъ театра. Онъ долгіе годы былъ дѣятельнымъ членомъ всѣхъ жюри, оцѣнивавшихъ драматическія произведенія, присылаемыя на конкурсы, которые здѣсь устраивались ежегодно.

Изъ профессоровъ университета самыми крупными величинами были въ то время профессоръ польской литературы, графъ Станиславъ Тарновскій, и историкъ Станиславъ Смолька, сынъ извѣстнаго политическаго дѣятеля. Графъ Тарновскій, изящный польскій стилистъ и убѣжденный патріотъ-консерваторъ, не вполне заслуженно пріобрѣлъ славу лучшаго польскаго литературнаго критика.

Это—сановитый баринъ, корректный, разносторонне образованный, но далеко не объемлющій жизни во всемъ ея цѣломъ, чуждый пониманья народныхъ соціальныхъ движеній, народныхъ современныхъ теченій въ литературѣ. Его «Исторія литературы польской»—это исторія умственнаго движенія, отчасти съ тенденціозно-политической точки зрѣнія; но тотъ, кто ищетъ въ ней тонкаго художественнаго анализа лучшихъ произведній польской письменности, найдетъ взамѣнъ этого лишь поверхностную, стилистически безукоризненную риторику умнаго диллетанта. Онъ хорошій и увѣренный въ обаяніи своего слова ораторъ, и этимъ отчасти объясняется далеко впрочемъ не полный успѣхъ его на университетской кафедрѣ.

Прослушавъ его лекцію, я ею мало заинтересовался и продолжалъ знакомиться съ польской литературой самостоятельно, читая то, что мнѣ нравилось, и тогда, когда мнѣ нравилось.

Пособіемъ, систематизирующимъ мои познанія и впечатлѣнія, мнѣ служила «Исторія литературы», изданная нѣсколько ранѣе поэтомъ Совинскимъ.

У Совинскаго мнѣ было все понятно и убѣдительно. Анализируя шедевры нашей литературы, онъ точно предвосхищалъ то, что я самъ о нихъ думалъ и чувствовалъ. Онъ, кромѣ того, открывалъ и указывалъ много прекраснаго въ нашей поэзій, полузабытаго отъ времени. Много яркихъ талантовъ меркло для современниковъ въ лучахъ славы Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, послѣдующія же поколѣнія почти совсѣмъ о нихъ забыли. И вотъ Совинскій возстановлялъ ихъ надлежащее значеніе, умѣло отдѣляя въ ихъ литературномъ багажѣ сочныя зерна отъ плевелъ. Я считаю полезнымъ указать русской публикѣ на эту именно «Исторію польской литературы», по-моему лучшую, русскимъ же совершенно незнакомую. Когда она вышла изъ печати, ее никто не рекламировалъ, и за шумихой возникшей тогда перебранки «молодыхъ» со «старыми» ее отчасти прозѣвали. Тѣмъ не менѣе она разошлась въ публикѣ скоро и теперь составляетъ, пожалуй, библиографическую рѣдкость. Понятно, она не обнимаетъ собою всей новѣйшей литературы (съ семидесятыхъ годовъ), и въ этомъ главное неудобство пользованія ею.

Графъ Тарновскій посѣщалъ Россію, между прочимъ, если не ошибаюсь, Москву и ея Кремль, и печаталъ довольно безпри-

страстные впечатлѣнія отъ этой поѣздки. Живетъ онъ на одной изъ окраинъ Кракова, въ роскошномъ особнякѣ, среди тѣнистаго сада.

Второй изъ упомянутыхъ профессоровъ, Станиславъ Смолька, является, какъ извѣстно, однимъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ польскихъ историковъ. Онъ предпочелъ профессорскую катедру шумной политической карьерѣ, къ которой имѣлъ много данныхъ. Это—консерваторъ не столько по складу ума, чутко отзывающагося на всѣ современные запросы жизни, сколько въ силу убѣжденія, что господство въ Галиціи сильной властью консервативной партіи наиболѣе при настоящихъ условіяхъ желательно. Вино и увлеченія юности въ немъ перебродили очень скоро и подчинились безропотно дисциплинѣ усидчиваго и осмысленнаго труда. Среди студентовъ онъ пользуется любовью и уваженіемъ. Дѣятельное участіе принималъ также Смолька въ теченіе многихъ лѣтъ въ трудахъ Краковской академіи наукъ, одно время въ качествѣ ея секретаря.

Остальные профессора тогдашняго историко-филологическаго факультета ничего выдающагося изъ себя не представляли.

Лекціи я посѣщалъ очень небрежно, но зато цѣлые часы просиживалъ въ библіотекѣ, знакомясь со всѣмъ тѣмъ, что меня интересовало, и въ Варшавѣ было для меня недоступно. Не сближаясь ни съ кѣмъ изъ профессоровъ или товарищей, я жилъ и работалъ уединенно и по-своему. Стипендіи мнѣ далеко не хватало, и часто я сильно нуждался, несмотря на то, что и изъ дому мнѣ отецъ неоднократно присылалъ деньги. Съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ въ университетъ, онъ счелъ своей обязанностью поддерживать меня, зная, что на 30 гульденовъ мнѣ не прожить. Наконецъ я кое-что зарабатывалъ у Бартошевича, сына историка, издававшаго тогда въ Краковѣ литературный журналъ.

Въ числѣ лицъ, у которыхъ мнѣ случалось изрѣдка бывать, заслуживаетъ упоминанья еще Аргуръ Бартельсъ, въ то время уже старикъ, авторъ популярныхъ по всей Литвѣ пѣсенъ, въ нѣкоторомъ родѣ польскій Беранже. Родомъ изъ Минской губерніи, онъ былъ побочнымъ сыномъ князя Льва Раздвигилла, генерала русскихъ войскъ. Въ былыя времена одинъ изъ лучшихъ охотниковъ на Литвѣ, онъ создалъ мало извѣстную, но цѣнную и, пожалуй, единственную въ славянской литературѣ—охотничью эпопею.

Въ мужскомъ обществѣ остроумный рассказчикъ и балагуръ, импровизаторъ скабрёзныхъ, но изящныхъ по формѣ стишковъ, Бартельсъ не по своей волѣ доживалъ свою полную приключеній жизнь въ Краковѣ, вдали отъ всегда дорогой его сердцу Литвы. Мощный, патриархальнаго и породистаго типа старикъ, точно надломленный бурей дубъ, жилъ только воспоминаніями прошлаго, не имѣя ничего общаго съ современнымъ поколѣніемъ и окружающею его жизнью. И эта жизнь вскорѣ отомстила ему, прикрывъ мутною своею волною его одинокую могилу.

VIII.

И опять въ Варшавѣ.—Отказъ отъ стипендіи.—Общіе выводы не pro domo sua.—Заполненіе журналистики бездарностями.—Выходъ въ свѣтъ 1-го тома моихъ стихотвореній.—Критики pro и contra.—Я долженъ уѣхать въ деревню.

Спустя годъ послѣ моего отъѣзда въ Краковскій университетъ, я опять застрялъ въ Варшавѣ. Возвращался съ рождественскихъ праздниковъ изъ деревни и въ Варшавѣ издержался такъ, что не на что было ѣхать въ Краковъ. День за днемъ, я запутывался все болѣе и болѣе. Когда я посѣтилъ Генкеля, онъ довольно рѣзко замѣтилъ: «оказывается, что вы совершенно даромъ пользуетесь чужими деньгами. Въмѣсто того, чтобы учиться въ Краковѣ, вы ничего не дѣлаете въ Варшавѣ». Я чувствовалъ, что это была правда. Не видя иного исхода выйти изъ неловкаго положенія, я написалъ вѣжливое письмо Кроненбергу, гдѣ заявлялъ, что долѣе пользоваться его любезностью не имѣю права и отказываюсь отъ стипендіи. Кроненбергъ и Генкель этимъ оборотомъ дѣла были очень поражены и недовольны, я же только вздохнулъ легче, не чувствуя тяготѣнія надъ собою нравственныхъ обязательствъ, которыя, какъ я убѣдился, были мнѣ не подъ силу.

Такимъ образомъ усилія моихъ доброжелателей заставить меня завершить свое образованіе, не привели ни къ чему. Теоретически въ этомъ виноватъ исключительно я. У меня нѣтъ никакого желанія оправдывать себя, и я охотно соглашаюсь, что въ данномъ случаѣ вина на моей сторонѣ. Но къ свѣдѣнію современныхъ меценатовъ, которые не прочь покровительствовать молодымъ талантамъ, мнѣ бы хотѣлось привести нѣсколько соображеній. Чтобы не обмануться въ комъ либо и использовать въ немъ все хорошее, надо брать его такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ теоретически долженъ быть. Требованіе умѣть вмѣщаться въ опредѣленную рамку примѣнимо большею частью къ тѣмъ, которые и безо всякаго требованія это дѣлаютъ.

Если бы молодой человѣкъ, умѣющій самъ пробивать себѣ дорогу въ жизни, къ вѣщаему благополучію получилъ небольшую стипендію Кроненберга, рекомендаціи къ виднымъ лицамъ и т. п., то онъ отлично бы это использовалъ, какъ прямой путь къ карьерѣ, заслужилъ бы полное расположеніе всѣхъ своихъ покровителей и въ результатѣ создалъ бы себѣ выгодное и почетное положеніе. Но такой молодой человѣкъ, вѣроятно, и безъ посторонней помощи сумѣлъ бы создать для себя положеніе, хотя и менѣе выгодное и менѣе почетное. Если съ показной стороны онъ заслуживаетъ всякихъ поощреній, то съ внутренней—его умственный и нравственный багажъ такъ же узокъ, какъ тѣ рамки, въ которыя легко его

втиснула жизнь; онъ посредственный полезный работникъ, нуждающийся не въ помощи, но подъ благовиднымъ ея предлогомъ—въ болѣе вѣрномъ, болѣе легкомъ пути къ карьерѣ. Съ другой стороны, какому нибудь молодому поэту, художнику и т. п., донельзя непрактичному въ жизни и очевидно о жизненной карьерѣ имѣющему самыя дикія понятія, такому господину, разъ найдете, что онъ заслуживаетъ матеріальной поддержки, просто глупо сказать: «вотъ вамъ 30 гульденовъ въ мѣсяцъ, поѣзжайте и учитесь», вмѣсто того, чтобы спросить: «скажите мнѣ откровенно, какъ устроить вашу жизнь, чтобы вы въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ не нуждались и могли пополнить ваше образованіе?» Къ польская пословица: «мясо за дешевыя деньги въ прокъ лишь собакамъ». Въ области искусства болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой, дешевка не окупаетъ себя. Несомнѣнно, ежегодно сотни въ томъ или другомъ отношеніи талантливыхъ юношей пользуются помощью частныхъ лицъ. Между тѣмъ, среди пробившихся въ первые ряды, такихъ бывшихъ частныхъ стипендіатовъ почти нѣтъ. Скудная помощь въ состояніи выработать типъ посредственнаго, полезнаго скорѣе самому себѣ, нежели обществу труженика, но не въ состояніи создать условія, при которыхъ молодой талантъ крѣпнетъ и правильно и свободно формируется.

Между тѣмъ, если бы изъ нѣсколькихъ не 30-ти рублевыхъ, но 200 или 300 рублевыхъ стипендіатовъ одинъ оправдалъ возлагаемыя на него надежды,—онъ сторицею окупилъ бы расходъ на всѣхъ обманувшихъ эти надежды. А таланты, дѣйствительные крупные таланты, какъ я убѣдился, озираясь кругомъ себя, гибнутъ удивительно просто и безвозвратно, и побѣда надъ ними пошлой посредственности достается еще того проще. «Вы ничѣмъ не смущайтесь и пишите,—говорилъ въ моемъ присутствіи «знаменитый» драматическій писатель (изъ евреевъ) своему менѣе счастливому собрату.—Ну! забракуютъ вашъ трудъ, пишите второй, третій, десятый, присматривайтесь, перенимайте нужное у другихъ — и добьетесь того, что одиннадцатое ваше произведеніе будетъ одобрено, а къ двадцатому вы создадите себѣ и имя и положеніе въ литературѣ». И это такъ. Точно въ сапожномъ ремеслѣ, дѣло лишь въ трудолюбіи, терпѣніи и нѣкоторой переимчивости. Когда я вращался въ кругу литературной богемы, къ намъ присосѣдилось нѣсколько, какъ намъ казалось, полундіотовъ, занимающихся сочинительствомъ невозможной чуши и почтительно исполняющихъ всѣ наши порученія взамѣнъ за возможность пробраться хотя бы на задворки литературы, добиться знакомства съ тѣмъ или другимъ сотрудникомъ редакціи, помѣстить въ газетѣ какое либо репортерское извѣстіе или анекдотъ.

И что же? Теперь, по прошествіи какихъ нибудь 10—12 лѣтъ, многіе изъ нихъ—«наши извѣстные драматическіе писатели, рома-

нисты, поэты». Я просматриваю нѣ романы, драмы, стихи изъ любопытства, иногда въ надеждѣ, что, быть можетъ, у кого нибудь изъ нихъ дѣйствительно таилась искорка литературнаго дарованія. Ничего подобнаго. Самый пошлый шаблонъ, самая грубая фальсификація искусства, самое развязное обкрадываніе живыхъ и мертвыхъ. За это время половина изъ дѣйствительно даровитыхъ ихъ ровесниковъ преждевременно сошла со сцены; ихъ либо унесла могила, либо жестоко помяла сутолока жизни.

Возвращаюсь къ воспоминаніямъ.

Стихотворенія мои вышли изъ печати нѣсколько ранѣе, еще въ то время, когда я былъ въ Краковѣ.

Цензоръ—покойный Функенштейнъ—оказался очень снисходителенъ и пропустилъ все, вычеркнувъ лишь почему-то стихотвореніе къ «Братьямъ чехамъ», раньше пропущенное и напечатанное въ журналѣ «Нива».

Рецензій, появившіяся о моихъ стихахъ, отличались поразительными крайностями.

Съ одной стороны, я былъ круглый нуль (мнѣніе покойнаго Антона Залѣскаго, подставнаго издателя «Слова»), съ другой—чуть не первоклассный поэтъ (мнѣніе Крашевскаго въ журналѣ «Колосья»). Очевидно, я не былъ ни то, ни другое. Главнымъ образомъ меня возмущало въ этихъ рецензіяхъ требованіе кокого-то тенденціозно выдержаннаго однообразія настроеній, доискиваніе въ этихъ настроеніяхъ «credo» автора.

Между тѣмъ кругомъ меня происходила переоцѣнка въ этомъ именно смыслѣ всей нашей поэтической литературы. Цѣнители музыки уступили мѣсто цѣнителямъ прекраснаго поведенія музыкантовъ, поневолѣ налегающихъ на поведеніе, такъ какъ были сильно туги на ухо. Они приобрѣтали извѣстность, дѣлались авторами «исторій литературы». Читалъ я какъ-то такую знаменитую «исторію литературы» не менѣе знаменитаго автора и, кромѣ точности біографическихъ свѣдѣній, ничего въ ней осмысленнаго не нашелъ. Между тѣмъ про нее трубили и трубятъ во всю. И что же? Я обращался, пожалуй, къ десяти извѣстнымъ писателямъ, одареннымъ художественнымъ вкусомъ, и всякій презрительно пожималъ плечами: «ничего не стоитъ!»—«Такъ отчего же никто объ этомъ громко не заявитъ?»—«Неудобно». Увы! нѣтъ въ польской литературѣ Буренина, для котораго подобной оговорки не существуетъ.

Мое нежеланіе продолжать образованіе въ Краковѣ произвело очень нехорошее впечатлѣніе на всѣхъ, до сихъ поръ покровительствовавшихъ мнѣ, и быстро, незамѣтно для меня, судьба, до сихъ поръ баловавшая меня, повернулась ко мнѣ спиною.

Несмотря на то, что мои стихотворенія продолжали принимать и печатать, я оказался совершенно предоставленнымъ самому себѣ, и, не сумѣвъ попасть въ какую либо редакцію, зарабатывая сти-

хами 10—20 рублей въ мѣсяцъ, очень скоро очутился въ крайней нуждѣ.

Не оставалось другого исхода, какъ бѣжать изъ Варшавы въ деревню.

Изъ послѣдующаго трехлѣтняго періода времени я около двухъ лѣтъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ работалъ въ одной редакціи. Воспоминаній этого времени я пока касаться не буду.

IX.

Спустя три года опять въ Варшавѣ.—Мой романъ.—Его судьба.—Мои успѣхи въ области поэзіи.—Нужда.—Супруги Курчинскіе.—Ихъ злоключенія.

Послѣ трехлѣтняго скитанія вдали отъ Варшавы я еще разъ очутился въ ней съ новыми стихами и даже съ большимъ романомъ «Дѣти».

Я думалъ, что за романъ получу сразу деньги. Но хотя о немъ оповѣстили въ газетахъ, хотя въ «Курьерѣ Ежедневномъ» соглашались его печатать, но денегъ впередъ не дали, и я взялъ рукопись обратно. Въ другой редакціи требовали измѣненій, въ третьей просили ждагъ очереди годъ, полтора. Въ минуту острой нужды, я, махнувъ рукой на свое будущее, какъ романиста, сталъ переписывать съ рукописи тѣ страницы, которыя могли сойти за отдѣльныя сценки, и началъ печатать ихъ въ «Варшавскомъ Курьерѣ», гдѣ послѣ смерти Шимановскаго редакторомъ былъ его зять, Францъ Ольшевскій, нынѣ присяжный повѣренный въ Петербургѣ.

Использовавъ свой романъ такимъ образомъ, я спряталъ его въ сундукъ, а, спустя нѣсколько лѣтъ, взявъ въ займы у знакомаго 10 рублей, отдалъ ему рукопись. Знакомый вмѣстѣ съ романомъ вскорѣ пропалъ изъ виду, и гдѣ моя рукопись теперь, не знаю. Во всякомъ случаѣ эта незадача отбила охоту къ романамъ.

Что *habent sua fata* и романисты, доказалъ мнѣ еще разъ, недавно, уже въ Петербургѣ, слѣдующій случай.

Изъ популярной ежедневной газеты ушелъ старый сотрудникъ.

Я часто бывалъ въ его семьѣ. «Знаете,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—у меня цѣлый ворохъ разныхъ вздорныхъ рукописей; онѣ копятыя лѣтъ 15; у васъ времени много, возьмите нѣсколько штукъ, просмотрите, можетъ быть, найдете что нибудь получше. Тогда я отошлю въ редакцію». И дѣйствительно среди разнаго хлама оказался почти безукоризненный, несомнѣнно талантливый рассказъ. «Онъ у меня валяется уже лѣтъ десять»,—сказалъ мой знакомый, разбирая помѣтку на рукописи.

Рассказъ былъ отосланъ въ редакцію и очень скоро напечатанъ. Такъ какъ подпись подъ нимъ совершенно неизвѣстна, то слѣдуетъ думать, что кандидатъ въ романисты давно уже снятъ

свою кандидатуру. А ужъ едва ли ему, незадачному, выпала счастливая случайность увидѣть свое произведеніе въ печати.

Параллельно съ незадачнымъ дебютомъ на аренѣ романа я продолжалъ довольно удачно выступать въ роли поэта. Благодаря тому, что очень много стиховъ моихъ печаталось въ «Курьерѣ Варшавскомъ» и другихъ распространенныхъ въ городѣ изданіяхъ, я начиналъ дѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ даже популярнымъ, получалъ отъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, главное дамъ, письма и стихи.

Многія изъ моихъ пѣсенъ мѣстные польскіе композиторы, особенно Носковский, стали класть на музыку, и я ихъ началъ встрѣчать въ исполненіи на концертахъ. «Иллюстрированный Еженедѣльникъ» оповѣстилъ даже, что текстъ этихъ пѣсенъ былъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, и онѣ были изданы въ Лейпцигѣ и Лондонѣ музыкальнымъ издателемъ, если не ошибаюсь, Ангереромъ. Я этихъ изданій не видѣлъ.

Наконецъ, когда я однажды вернулся изъ деревни, то прочелъ въ «Курьерѣ» извѣстіе, что «нашъ знаменитый молодой поэтъ Кучинскій прибылъ въ Варшаву».

Но все это было хорошо только отчасти. Всѣ эти стихи и извѣстность не могли мнѣ обезпечить даже самаго скромнаго существованія, тѣмъ болѣе, что писать я могъ сравнительно очень мало.

— Я не понимаю, какъ вы можете нуждаться, — заявилъ мнѣ разъ нѣкій сановитый графъ — ваши стихи охотно печатаются. Я бы сто, двѣсти, пятьсотъ строкъ откатывалъ каждый день. — Онъ говорилъ серіозно. Увы, я не всегда былъ въ состояніи написать триста строкъ въ мѣсяцъ.

Я чувствовалъ, что могъ бы съ пользою постоянно работать въ той или другой редакціи, но втереться туда не умѣлъ. Достаточно было сказать: «вѣдь вы не хотите, чтобы я удалилъ другого и васъ взялъ на его мѣсто», чтобы я краснѣя ретировался со словами: «понятно, не хочу». «Пробуйте, приносите что нибудь», — говорили мнѣ въ другомъ мѣстѣ. Но «пробовать что нибудь» я тоже не умѣлъ.

Изрѣдка попадались работы случайныя, въ родѣ передѣлки произведеній разныхъ богатыхъ графъ — составленія преискурантовъ, переводовъ всякихъ специальныхъ брошюръ, но это были работы и случайныя, и такія, за которыя приходилось браться лишь съ горя.

Я жилъ на чердакѣ «Польской гостиницы», въ темномъ и грязномъ номерѣ, цѣною 10 рублей въ мѣсяцъ. Номеръ этотъ едва ли топился болѣе двухъ разъ за всю зиму, такъ какъ тратиться на дрова мнѣ казалось излишней роскошью, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства я былъ очень закаленъ къ холоду. Только вставать было не особенно пріятно. Да и то лишь пока не окатишься холодной, ледяной водой, послѣ чего температура комнаты сразу какъ бы поднималась.

Обѣдать мнѣ случалось не болѣе двухъ-трехъ разъ въ мѣсяцъ. И не потому, чтобы я не могъ обѣдать чаще, а потому, что не умѣлъ приучить себя къ плохимъ обѣдамъ. Имѣя возможность расходовать на обѣдъ 30 коп., я шелъ обѣдать за эту цѣну не въ дешевый ресторанъ, но въ одну очень чистоплотную молочную, гдѣ требовалъ кружку холоднаго молока и къ ней четверть фунта литовской копченой калбасы (она здѣсь же продавалась), затѣмъ вторую кружку молока и четверть фунта литовскаго сыра, и этотъ завтракъ мнѣ казался гораздо вкуснѣе и сытнѣе дряннаго обѣда. По вечерамъ я почти ежедневно заходилъ къ Генкелю. Кромѣ него, у меня еще было одно мѣсто, куда я шелъ, зная навѣрное, что меня встрѣтятъ радушно.

Въ Литовской гостиницѣ, послѣ того, какъ моего двоюроднаго брата докторъ отправилъ по ошибкѣ на тотъ свѣтъ, приобрѣли «ремизу» (наемъ лошадей и колясокъ) бездѣтные супруги Курчинскіе, еще недавно богатые помѣщики, потерявшіе имѣніе, по ихъ словамъ, потому что «довѣряли слишкомъ людямъ, а впрочемъ—сами виноваты». Онъ—высокій, нѣсколько уже согбенный, сѣдѣющій, съ бритымъ подбородкомъ и характернымъ лицомъ и усами польскаго шляхтича, чрезвычайно мягкій въ движеніяхъ, нѣсколько флегматическій въ рѣчи, почти всегда съ грустной, полувиноватой улыбкой въ глазахъ; она—подвижная, участливо слѣдящая за каждымъ движеніемъ мужа, худенькая и невысокая, завядшая брюнетка; оба не чаявшіе другъ въ другъ души, оба совершенно чуждые этого большого города и его кипучей жизни. Онъ очень любилъ декламировать стихи и рассказывать про деревню, она участливо выпытывать и давать практическіе совѣты. У нихъ я себя чувствовалъ, какъ у самыхъ близкихъ родныхъ.

— А знаешь, поэтъ,—разъ мнѣ говоритъ Курчинскій:—вѣдь ты правду сказалъ, что въ сущности, если отбросить официальную сторону отношеній, поляки и русскіе чувствуютъ другъ къ другу симпатію. Когда ты ушелъ, я сталъ думать: какъ же можемъ мы чувствовать симпатію къ москалямъ, послѣ всего того, что они съ нами сдѣлали? Вдругъ приходитъ русскій нанимать карету. И я сразу почувствовалъ, что нѣтъ у меня никакой къ нему злобы; наоборотъ—мнѣ захотѣлось какъ можно лучше угодить ему. Очевидно: пріѣзжай—не чиновникъ,—спохватившись, оправдывалъ Курчинскій самъ передъ собою это столь неожиданное для себя москалефильство. Неисправимый, онъ также «слишкомъ довѣрялъ людямъ» въ городѣ, какъ и въ деревнѣ. «А впрочемъ самъ виновать». Спустя два—три года, съ 600 рублями въ карманѣ, онъ искалъ посредствомъ газетъ какого либо мѣста.

И вотъ представительный незнакомецъ пригласилъ его къ себѣ въ номеръ, въ Брюлевскую гостиницу. «Для васъ есть мѣсто кассира на свеклосахарномъ заводѣ на югѣ. Залогъ въ 600 рублей

необходимъ. Когда можете ѣхать? Послѣзавтра? Очень хорошо. Собирайтесь и по дорогѣ на вокзалъ заѣзжайте ко мнѣ, я дамъ вамъ письмо и инструкціи». Курчинскій въ восхищеніи. Рѣшаетъ ѣхать сперва одинъ, оставивъ жену недѣли на двѣ у знакомыхъ, пока не устроится на мѣстѣ.

— Ну-съ? совершенно готовы?—встрѣчаетъ его незнакомецъ.—Прежде, чѣмъ я дамъ вамъ письмо, покажите залогъ, чтобы я убѣдился, что онъ у васъ есть.

Курчинскій вынимаетъ деньги изъ бокового кармана. «Эхъ, старикъ, старикъ!—участливо соболѣзнуетъ незнакомецъ.—На много больше меня живете на свѣтѣ, а не знаете, какъ обращаться съ деньгами. Отправляетесь въ дорогу за полторы тысячи верстъ и, быть можетъ, послѣднія свои деньги суете прямо въ карманъ, на приманку ворами и мошенникамъ. Дайте мнѣ ихъ сюда, я ихъ спрячу вамъ, какъ слѣдуетъ». Ошеломленный Курчинскій передаетъ деньги. Господинъ на его глазахъ вкладываетъ ихъ въ конвертъ, идетъ къ письменному столу, запечатываетъ конвертъ сургучемъ, велитъ снять жилетку, зашиваетъ туда конвертъ и передаетъ ее обратно. Затѣмъ даетъ письма, указанія, ѣдетъ съ Курчинскимъ на вокзалъ, покупаетъ ему билетъ и, напутствуя добрыми совѣтами, прощается. «На третій день,—разсказывалъ потомъ Курчинскій:—я подѣхалъ къ какой-то небольшой станціи на югѣ.—Нельзя ли узнать,—обращаюсь къ начальнику станціи:—гдѣ живетъ такой-то?» — «Онъ кстати здѣсь на вокзалѣ. Вотъ онъ». Приближаюсь и съ поклономъ вручаю ему письмо. Тотъ распечатываетъ и вынимаетъ изъ письма листъ бѣлой бумаги».

— Это что за шутки?—спрашиваетъ сердито. Я поблѣднѣлъ, разорвалъ жилетъ, выхватилъ конвертъ съ деньгами, открылъ—въ конвертѣ вмѣсто денегъ та же бѣлая бумага. Подо мной ноги подкосились... слезы заволокли глаза. Одинъ... безъ гроша въ карманѣ... жена за полторы тысячи верстъ на хлѣбахъ у добрыхъ людей... ужасъ охватилъ меня. Инженеръ понялъ все. «Клянусь Богомъ,—сказалъ онъ,—что я создамъ бы вамъ мѣсто, если была бы малѣйшая возможность. Но у насъ сокращаютъ производство, мы удаляемъ собственныхъ служащихъ». Добрые люди сложились Курчинскому на обратную дорогу въ Варшаву. Потомъ я ихъ встрѣчалъ живущими временно у родственниковъ, потомъ управляющими чужой «ремизой», на Варецкой площади, наконецъ они исчезли для меня навсегда: уѣхали въ провинцію служить на какомъ-то лѣсномъ складѣ. «Мнѣ ничего, какъ нибудь дотяну,—говорилъ въ послѣднее время Курчинскій,—только вотъ бѣдная жена... къ иной жизни она привыкла». — «Мнѣ ничего,—говорила жена,—лишь бы онъ здоровъ былъ, и я могла бы быть ему помощью».

X.

Сигизмундъ Герингъ и его семейство.—Его научныя работы.—Новые друзья.— Орловскій, А. О. и И. З—евъ.—Въ кругу литературной богемы. — Ресторанъ Мишо.—Выселеніе меня изъ «Польской гостиницы».—Докторъ Осодоръ Герингъ и воспитатель его сына.—Ресторанъ Бель-Вю.—Ночныя засѣданія.—Изданіе II-го тома стихотвореній.— Столкновеніе съ цензоромъ.—Судьба моихъ друзей.

Однажды въ газетахъ появилось объявленіе: «Нуженъ умѣющій четко и скоро писать, занятія отъ 11 до 1 часу дня. Плата 10 рублей въ мѣсяцъ и завтракъ». Я обыкновеннымъ своимъ четкимъ и размашистымъ почеркомъ написалъ: «Удовлетворяю вашимъ требованіямъ. На условія согласенъ». Спустя день, получилъ приглашеніе явиться къ какому-то Сигизмунду Герингу. Меня встрѣтилъ молодой человекъ, брюнетъ съ небольшою бородкой, очевидно еврейскаго типа.

— Знаете,—сказалъ онъ мнѣ,—я получилъ до полутора ста писемъ, но выбралъ ваше, потому что оно одно коротко и ясно.

О моей причастности къ литературѣ онъ не зналъ, а оказалось, что это было очень ему кстати. Онъ сотрудничалъ въ качествѣ экономиста въ журналахъ молодой прессы, теперь же приступалъ къ чисто научному сочиненію «Логика политической экономіи».

Онъ сталъ диктовать мнѣ и пользоваться моими совѣтами при отдѣлкѣ слога. Эта была работа серьезная, и самъ процессъ ея созиданія былъ для меня поучителенъ. Она создавалась не спѣша, и, только спустя нѣсколько лѣтъ, вышла изъ печати. Кромѣ того, Герингъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ проекта преобразованія (финансовой системы въ Россіи, который былъ поданъ министру Бунге или Вышнеградскому, но который такъ и остался проектомъ. Изъ этого проекта выросла опять цѣлая книга «Исторія рубля въ Россіи». Мы писали и эту исторію, а затѣмъ я ее переводилъ на русскій языкъ. Впослѣдствіи ее издалъ въ Петербургѣ Эфронъ.

Съ семействомъ Геринга я сблизился очень скоро. Жена его была когда-то курсисткой въ Петербургѣ, участвовала въ какомъ-то «дѣлѣ», сидѣла въ заключеніи. Оба происходили изъ состоятельныхъ еврейскихъ семействъ, оба были очень интеллигентны, очень просты въ обращеніи и очень непрактичны въ жизни, не умѣя обращаться съ деньгами, что, какъ извѣстно, рѣдко встрѣчается среди евреевъ. Но въ ихъ средѣ все болѣе выдающееся охотно поддерживаютъ и родные и чужіе. Герингъ нужды не терпѣлъ, вскорѣ же получилъ хорошее мѣсто въ банкѣ.

Они не стыдились своего еврейства, но жили и думали польски. Ихъ очень красивыя дѣти уже совершенно не имѣли ничего еврейскаго, даже въ чертахъ лица.

Писаніе подѣ диктовку, переводѣ на русскій языкѣ, иногда добавочныя работы по вечерамъ—все это уже составило для меня порядочную поддержку. Кромѣ того, я сталъ писать и юмористическіе стихи, открывъ въ этомъ новый, хотя и очень ничтожный источникъ получекъ въ редакціяхъ. Въ редакціи юмористической «Мухи» я познакомился съ ея сотрудниками Косьминскимъ и Орловскимъ. Оба не прочь были выпить.

— Пойдемъ,—сказалъ какъ-то Орловскій,—въ ресторанъ, тамъ сидитъ А. О., вы навѣрное читали его стихи, онъ хочетъ познакомиться съ вами.

Мы познакомились и при этомъ выпили. Я никогда больше рюмки, двухъ за обѣдомъ не пилъ, да и то тогда только, если былъ въ обществѣ. Здѣсь въ первый разъ убѣдился, что затуманить себѣ голову на нѣкоторое время довольно пріятно.

Орловскій былъ сынъ какого-то доктора въ провинціи, уже умершаго, и пробивался такъ же, какъ и я, случайными заработками въ редакціяхъ. Впрочемъ, кажется, его мать получала какую-то небольшую пенсію. А. О. былъ сынъ состоятельнаго фабриканта горчицы и увѣрялъ, что единственное несчастіе его жизни—это его нѣмецкая фамилія. Жилъ у родителей, но имѣлъ какую-то таинственную для насъ комнату, гдѣ встрѣчался съ богиней своего сердца, швеей. Блѣдный, съ тонкими чертами лица, меланхолически безнадежнымъ взглядомъ большихъ глазъ и длинными бѣлокурыми кудрями, всегда очень небрежно одѣтый, онъ былъ поэтъ не только по душѣ, но и по своей внѣшности. Чистый, увлекающійся энтузіастъ, любящій за кружкой пива читать стихи, говорить про искусство, про высокое призваніе поэта и т. д. Деньги у него долѣе нѣсколькихъ часовъ не держались, онъ считалъ необходимымъ каждый разъ передъ сномъ освободиться дочиста отъ презрѣннаго металла; хотя этого металла у него бывало не много, но все же больше, чѣмъ у его друга, сатирически настроеннаго и менѣе разговорчиваго Орловскаго.

Косьминскій, циникъ и любитель любовныхъ приключеній, къ намъ мало присталъ. Это былъ очень талантливый сатирикъ, кромѣ того, авторъ популярныхъ мелодрамъ и мѣстныхъ фарсовъ, которые всегда пользовались и пользуются успѣхомъ на сценѣ. Вино и женщины свели его преждевременно въ могилу.

Взамѣнъ его къ намъ вскорѣ примкнулъ И. З.—евъ, новеллистъ, высокій, красивый юноша, кипучаго темперамента, рѣдкій товарищъ, умѣющій дѣлиться всѣмъ, также не любящій уносить денегъ домой, но обладающій неприсущей намъ способностью находить мѣста: поочередно въ разныхъ редакціяхъ, даже у банкировъ; эти мѣста онъ перебрасывалъ, какъ перчатки, благодаря чему все-таки большую часть года былъ безъ мѣста. Жилъ онъ то одинъ, то вмѣстѣ съ братомъ Владимиромъ, художникомъ. Художникъ былъ очень способный,

но и очень лѣнивъ, и въ концѣ концовъ, не оправдавъ надеждъ, гдѣ-то исчезъ въ глубинѣ Россіи. Онъ имѣлъ обыкновеніе снимать комнату всегда со столомъ и, прокутивъ всѣ деньги, сидѣлъ въ ней, не трогаясь цѣлыя недѣли, пока кто либо не принесетъ ему на домъ заказа. Мы вскорѣ стали встрѣчаться почти ежедневно, большею частью въ ресторанахъ на Свенто-кржиской улицѣ г-жи Мишо, которой мужъ, лѣтъ десять назадъ очень извѣстный поэтъ (псевдонимъ «Миронъ»), въ то время догаралъ гдѣ-то, страдая «delirium tremens».

— Здравствуй, — случалось, встрѣчаетъ меня Орловскій у входа, — мы уже часа два здѣсь. Много у тебя денегъ?

— Почти нѣтъ.

— А съ нами бѣда. А. О. сталъ читать стихи и забывшись потребовалъ коньяку съ тремя звѣздочками. Начали считать деньги, — не хватаетъ. Съ горя заказали ликеръ къ черному кофе. Каждый изъ насъ уже послалъ посыльного въ разныя редакціи, за авансомъ. Пока — ничего! Мы сидимъ вокругъ стола и обсуждаемъ положеніе.

Двое посыльныхъ возвращаются ни съ чѣмъ.

— У меня мысль! — восклицаетъ И. З—евъ. — Если послѣдній посыльный не принесетъ денегъ, то пошлемъ его къ брату. Онъ сидитъ безъ сюртука: заложенъ. Но брюки у него хорошія, изъ лучшаго матеріала: знакомый портной далъ въ долгъ. Пусть снимаетъ съ брата брюки, захватитъ двѣ моихъ подушки и несетъ въ ломбардъ. Жидовскіе ломбарды торгуютъ до 10-ти.

Такъ беззаботно рѣшалась участь не только денегъ, но брюкъ и подушекъ.

Въ общемъ жилось эти мѣсяцы безшабашно, безтолково, но весело.

Къ веснѣ управляющій «Польской гостиницы», мой старый и хорошій знакомый, но твердый, какъ скала, за неплатежъ 10-ти рублей не только закрылъ на ключъ мой номеръ, но арестовалъ мои вещи и паспортъ. Я не протестовалъ, такъ какъ не былъ твердо увѣренъ, законно ли это, или нѣтъ. Впрочемъ — не тягаться же съ нимъ. Уплачу деньги, и вернетъ все. Такъ разсуждая и не имѣя пристанища, я направился къ З—еву. Онъ занималъ двѣ комнаты; въ задней спалъ самъ, въ передней же на полу брошены были два одѣяла и нѣсколько подушекъ. Это былъ пріютъ и ложе въ случаѣ надобности для всѣхъ его друзей и знакомыхъ.

Дни, которые я провелъ у него въ гостяхъ, вспоминаю до сихъ поръ съ удовольствіемъ. Это была настоящая вакхическая оперетка, полная кипучей жизни, веселья и поэзіи.

Только спустя двѣ недѣли, я собрался уйти отъ З—ева и выкупить свои вещи и паспортъ.

— Я, кажется, забылъ у васъ паспортъ,—обратился я послѣ расчета къ управляющему самымъ невиннымъ тономъ, не желая его смущать.

— Вы скоро голову забудете, если могли забыть паспортъ,—возмутился тотъ.—Первый разъ вижу человѣка, которому въ Варшавѣ въ теченіе двухъ недѣль не нуженъ былъ паспортъ.

З—евъ готовъ былъ дѣлиться послѣдней копейкой, но подчасъ бывалъ для друзей и опасенъ. Наиболѣе беззаботный, онъ, страдая безденежьемъ, не колебался отправлять въ ломбардъ все свое платье и цѣлыми днями, случалось, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ. Угощая нахѣстившаго его пріятеля пивомъ, которое кредитовалъ ему жившій по сосѣдству рестораторъ, онъ вдругъ вспоминалъ: «знаешь, у меня въ городѣ спѣшное дѣло... одолжи мнѣ на полчаса свое платье. Посиди пока тутъ. Если захочешь пить, ѣсть, — посылай на мой счетъ въ ресторанъ». Случалось, этотъ знакомый сидѣлъ раздѣтый сутки и болѣе, дожидая хозяина, который, добывъ деньги, отводилъ душу въ компаніи друзей. Но онъ зарабатывалъ въ общемъ много болѣе насъ всѣхъ, такъ какъ почти ежедневно писалъ маленькіе фельетоны въ одной изъ газетъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Сигизмундъ Герингъ познакомилъ меня со своимъ братомъ, Федоромъ, знаменитымъ докторомъ, хирургомъ-ларингологомъ.

Федоръ имѣлъ громадную практику, кромѣ того, много работалъ, постоянно дѣлалъ какіе-то опыты, вообще обладалъ рѣдкой трудоспособностью. Его сочиненіе: «Объ излѣчимости гортанной чахотки», широко извѣстно и очень цѣнится, особенно за границей. Онъ удалялъ туберкулезные нарывы хирургически, крайне искусно, помощью усовершенствованныхъ имъ же инструментовъ. Много пациентовъ пріѣзжало къ нему и изъ Россіи. Случалось, что на консультацію или операцію его вызывали и за границу.

Онъ готовилъ переводъ вышеупомянутой книги на русскій языкъ, по приглашенію издателя Риккера, но переводчикъ, докторъ, очень плохо владѣлъ слогомъ. И вотъ онъ мнѣ предложилъ продолжать начатый переводъ. Такъ какъ постоянно встрѣчались тамъ спеціальныя термины, то необходимо было переводить въ присутствіи автора. Кромѣ того, я составлялъ каталогъ его спеціально медицинской, очень богатой бібліотеки и приводилъ ее въ порядокъ. Наконецъ писалъ подъ его диктовку статьи изъ области гігіены, которыя въ эту зиму онъ читалъ съ благотворительной цѣлью публично. Онъ занималъ прекрасную квартиру и жилъ широко, не считаясь, какъ и братъ, съ деньгами. Былъ онъ много разностороннѣе и, пожалуй, даже интеллигентнѣе брата. Воспитателемъ его единственнаго сына былъ медикъ 5-го курса, поклонникъ гипнотизма, мечтатель, вѣчно блуждающій около тайнъ бытія. Бесѣды съ ними обоими за ужиномъ имѣли для меня свое особое,

неиспытанное доселѣ очарованіе. Я въ нихъ чувствовалъ высшую интеллигенцію, находилъ массу смѣлыхъ, широкихъ взмаховъ мысли, донельзя subtilный анализъ всего, нашему уму доступнаго, и чувствовалъ внутреннее удовлетвореніе отъ сознанія, что не только могу критически относиться къ имъ высказываемому, но и опровергать или развивать ихъ взгляды. Годъ или болѣе спустя нагрянули неожиданно ночью жандармы и увезли студента, который все еще числился на 5 курсѣ и все собирался сдавать послѣдніе экзамены. За какую провинность?—хорошо, кажется, сами Геринги не знали. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался отъ чахотки.

Геринги меня рѣшительно ни въ чемъ не стѣсняли, не пытались оказывать на меня какое либо вліяніе. Именно въ это время я печаталъ много стиховъ въ рѣзко антисемитской «Голѣ», стиховъ, впрочемъ не имѣющихъ ничего общаго съ антисемитизмомъ. Въ эти мѣсяцы я зарабатывалъ много, но зато, случалось, бывалъ занятъ поочередно у обоихъ братьевъ отъ 11 утра до полуночи. Я все-таки не забывалъ моихъ друзей и почти каждый вечеръ встрѣчался съ ними. Къ Мишо мы заглядывали только днемъ или раннимъ вечеромъ, позже засѣдали въ ресторанѣ Бель-Вю, при которомъ въ саду лѣтомъ помѣщался популярный въ Варшавѣ театрикъ, зимою же нѣчто въ родѣ кафешантана съ оркестромъ, пѣвицами и прочее. Здѣсь насъ вскорѣ стали окружать разные кандидаты на поэтовъ, романистовъ, авторы невозможнаго вздора, въ большинствѣ впрочемъ добрые малые, очень польщенные возможностью сидѣть возлѣ насъ и угощаться съ нами. Присаживались къ намъ и актеры, и даже актрисы, и случалось, дѣло завершалось грандіозной попойкой, перекочевываніемъ изъ ресторана въ ресторанъ, съ эпилогомъ около 6 утра въ грязномъ кабакѣ, открытомъ съ ранняго утра для рабочихъ и извозчиковъ.

Попойки эти продолжались мѣсяца два-три, и хотя вреда отъ нихъ я не ощущалъ, но постепенно отсталъ отъ нихъ безо всякихъ усилій. Вѣроятно, въ роду моемъ не было алкоголиковъ. За это время наша компанія положительно сдѣлалась въ Варшавѣ популярной. Въ одномъ юмористическомъ журналѣ покойный поэтъ Стебельскій даже воспѣлъ въ стихахъ меня съ А. О., какъ «братьевъ сіамскихъ», и наши походы. Вскорѣ послѣ этого я нашелъ издателя на II-й томъ моихъ стихотвореній и сталъ готовить его къ печати. «Цензоръ васъ требуетъ»,—сказалъ мнѣ издатель еще до отпечатанія перваго листа. Меня встрѣтилъ желчный и сердитый господинъ, не пуская дальше передней.

— Что вамъ угодно?

— Вы меня требовали.

— Пожалуйста, не беспокойте меня... я имѣю право каждый листъ держать двѣ недѣли.

— Но вѣдь тогда издатель откажется печатать?

— Мнѣ наплевать!.. чѣмъ меньше польскихъ книгъ выйдетъ, тѣмъ лучше.

Въ оправданіе такого поразившаго меня приѣма замѣчу, что это былъ явно больной человѣкъ, который вскорѣ и умеръ. Но я положительно растерялся. Къ счастью, на Краковскомъ предмѣстьѣ я встрѣтилъ знакомаго по Петербургу генерала К. Онъ меня выслушалъ и написалъ рекомендательное письмо къ предсѣдателю цензурнаго комитета. Благодаря его любезности, цензура моихъ стиховъ прошла скоро и гладко.

Заканчивая бѣгло эту главу, я долженъ упомянуть о судьбѣ моихъ друзей: Орловскаго, А. О. и И. З—ева. Первый женился, по слухамъ записался въ общество трезвости и продолжаетъ хлестать насъ бичемъ мѣткой сатиры. Второй тоже женился и именно на своей скрываемой отъ насъ богинѣ-швейкѣ, и о добродѣтеляхъ его, какъ отца семейства, мнѣ рассказывали съ умиленіемъ. Онъ—редакторъ извѣстнаго журнала и очень популярный поэтъ. Третій, послѣ множества сальто-мортале, метаморфозъ и скитаній, неожиданно канулъ безслѣдно въ таинственную Лету, чтобы вынырнуть по дорогѣ въ Китай и Японію, какъ корреспондентъ и бытописатель. Какъ и прежде, для товарища готовъ снять послѣднюю рубашку. Неизмѣнно преисполненъ великихъ плановъ и надеждъ. Его жена, бывшая актриса, большинства этихъ плановъ не одобряетъ и предпочла бы болѣе прочное мѣстожительство.

XI.

Въ деревнѣ. — Распродажа имѣній Гогенлоэ. — Самоубійство дяди. — Отношенія взаимныя русскихъ и польскихъ помѣщиковъ. — Эдуардъ Войниловичъ и Минское общество сельскаго хозяйства. — Яковъ Оттоновичъ Наркевичъ-Юдко. — Его разносторонняя дѣятельность. — Отношеніе къ нему Варшавы и Петербурга.

Раза два за это время я ѣздилъ въ деревню къ роднымъ. Отецъ жилъ уже въ собственномъ имѣніи Лютовичи, около Слуцка. Онъ постарѣлъ, съ трудомъ справлялся съ хозяйствомъ и дѣлалъ много ощутительныхъ промаховъ, но по привычкѣ не выносилъ ни малѣйшаго вмѣшательства въ свои дѣла. Полное бездѣлье и въ то же время полная зависимость на каждомъ шагѣ отъ отца меня здѣсь сильно тяготили, и я обыкновенно скоро возвращался въ Варшаву. Въ денежные свои передраги я не посвящалъ отца и родныхъ, и развѣ всегда крайне тощій багажъ, за который мнѣ неловко бывало даже передъ прислугой, выдавалъ меня.

— Ступайте, возьмите съ повозки все, что тамъ есть!—обыкновенно обращался отецъ къ горничнымъ послѣ привѣтствія.

— Тамъ ничего нѣтъ!—отвѣчалъ я смущенно:— все здѣсь, въ этомъ ручномъ чемоданчикѣ.

Тогда отецъ незамѣтно окидывалъ меня всего взглядомъ, стараясь уѣдниться, цѣло ли, по крайней мѣрѣ, то платье и сапоги, въ которыхъ я явился. И такъ какъ онъ придавалъ этому гораздо большее значеніе, чѣмъ я, то, несмотря на явно страдающее мое самолюбіе, настаивалъ на пополненіи всего недостающаго въ моемъ гардеробѣ и бѣлѣ при первой поѣздкѣ въ Слуцкъ. Перспектива всего этого меня всегда крайне смущала и не разъ удерживала въ Варшавѣ отъ поѣздки въ деревню.

Это были годы громкой распродажи княгиней Гогенлоэ доставшихся ей по наслѣдству отъ брата, князя Витгенштейна, имѣній, которыхъ она, какъ не русская подданная, оставить за собою не имѣла права. Имѣній этихъ въ одной Минской губерніи насчитывалось нѣсколько десятковъ, площадью свыше 700.000 десятинъ; была занята ими и значительная часть Слуцкаго уѣзда. Всѣ они были въ арендѣ. Арендаторы, живя въ нихъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ, нерѣдко по нѣскольку поколѣній, не только не отличались отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, но въ большинствѣ могли жить гораздо шире и беззаботнѣе, чѣмъ тѣ. Въ числѣ такого рода счастливицевъ былъ и мой дядя, у котораго, какъ я упоминалъ раньше, проживала уже скончавшаяся къ этому времени моя прабабушка. Онъ родился въ арендуемомъ имѣніи и былъ увѣренъ, что и умереть тамъ же, такъ какъ былъ образцовый хозяинъ и на лучшемъ счету у князя Витгенштейна.

Одно время казалось, что судьба ему благопріятствуетъ, и что положеніе его, если измѣнится, то къ лучшему. Шуринъ его старшаго брата, генералъ Ричардъ фонъ-Мевесъ, въ то время командиръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, изъявилъ желаніе пріобрѣсти на милліонъ нѣсколько имѣній княгини Гогенлоэ, съ тѣмъ, чтобы дядя выбралъ подходящія имѣнія и взялся управлять ими. Но одновременно фонъ-Мевесъ потребовалъ, чтобы дядя поручился, что эти имѣнія будутъ давать 6 процентовъ дохода. Тотъ заявилъ, что въ настоящее время такой процентъ получить съ земли немыслимо, не эксплуатируя ея въ ущербъ для ея будущаго.

— Въ такомъ случаѣ, — рѣшилъ, какъ рассказывали, генералъ: — гораздо для меня выгоднѣе отрѣзывать купоны отъ бумагъ.

Такъ дѣло и разстроилось. Дядѣ пришлось оставить имѣніе и перебраться въ другое, заарендованное въ томъ же Слуцкомъ уѣздѣ. Но со времени переездки съ нимъ стало твориться что-то неладное. Всегда жизнерадостный, крайне общительный, онъ круто измѣнился, по временамъ сталъ страдать меланхоліей, тосковать по покинутому имѣнію до того, что стали опасаться за его разсудокъ. Кончилось тѣмъ, что послѣ одной изъ бессонныхъ ночей, къ утру, зарядомъ изъ охотничьяго ружья онъ размозжилъ себѣ голову и, промучившись нѣсколько дней, скончался. Ни въ нашемъ семействѣ, ни среди сосѣдей ни о какихъ самоубійствахъ не было

слышно, и поэтому вѣсть о столь трагической развязкѣ поразила всѣхъ сильно. Но если не всѣ кончили такъ печально, то большинство отторгнутыхъ силою обстоятельствъ отъ родного для нихъ клочка земли, несомнѣнно, пережило тяжелую внутреннюю драму.

Какъ въ свое время писали и въ русскихъ газетахъ, обязательная продажа столькихъ имѣній послужила толчкомъ къ самой беззащитной спекуляціи землею. Ловкіе дѣльцы покупали безъ гроша въ карманѣ. Предварительно перепродавъ кое-что изъ покупаемаго имѣнія евреямъ, заполучали отъ нихъ деньги въ задатокъ, затѣмъ продавали лѣсъ, мельницы, всѣ статьи дохода за нѣсколько лѣтъ впередъ и, случалось, такимъ образомъ сразу выручали болѣе, чѣмъ стоило имъ имѣніе. Обобраннымъ дочиста имѣніе часто сейчасъ же перепродавалось. Слѣды такого хищническаго хозяйства, быстро уничтожившаго плоды многолѣтнихъ трудовъ, живы понынѣ. Въ числѣ немногихъ, пріобрѣтшихъ имѣнія не для торговли землею, отмѣчу князя Святополкъ-Мирскаго и Ратькова-Рожнова, раньше слущкаго, нынѣ губернскаго минскаго предводителя дворянства. Естественно, что польскіе помѣщики относились крайне неодобрительно ко всѣмъ новымъ мимолетнымъ сосѣдямъ-спекулянтамъ, а такъ какъ евреи и поляки не могутъ пріобрѣтать здѣсь земли, то этими спекулянтами могли быть лишь русскіе. Но я, наоборотъ, не знаю положительно ни одного случая, когда русскій помѣщикъ, поселившійся здѣсь и хозяйничающій, какъ всѣ коренные землевладѣльцы, могъ бы пожаловаться на отношенія къ нему сосѣдей-поляковъ. Отношенія эти, основанныя на взаимномъ уваженіи, безусловно не оставляютъ желать лучшаго. Въ сосѣдствѣ нашемъ хозяйничаетъ тайный совѣтникъ Климовъ, бывший видный чиновникъ. Хотя онъ популярности не ищетъ, русскаго облика не мѣняетъ, но я не слышалъ о немъ ни одного пренебрежительнаго замѣчанія, ни одного упрека въ чемъ либо. Впрочемъ, налицо и болѣе убѣдительное доказательство.

Одинъ изъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей по имѣнію, Эдуардъ Войнилловичъ, личность крайне энергичная и трудоспособная, несмотря на крупное состояніе, лично руководящій хозяйствомъ во всѣхъ своихъ имѣніяхъ, сумѣлъ наглядно объединить и польскихъ, и русскихъ помѣщиковъ въ Минскѣ обществѣ сельскаго хозяйства, одномъ изъ первыхъ этого рода въ Россіи, плодотворную дѣятельность котораго и дружную работу надлежало цѣнить равно мѣстное общество, какъ и правительство.

Какъ извѣстно, Минское общество сельскаго хозяйства, въ которомъ неизмѣнно предсѣдательствуетъ, заступая почетнаго предсѣдателя, губернатора, Войнилловичъ, удостоилъ принять подъ свое высокое покровительство великій князь Владимиръ Александровичъ. Русскіе и поляки работаютъ здѣсь въ полномъ единеніи, само же

общество служить образцомъ для всѣхъ подобныхъ, возникающихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Оно имѣетъ и свой печатный органъ.

— Я даже не понимаю, — говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ видныхъ представителей этого общества:—какой можетъ быть антагонизмъ тамъ, гдѣ обѣ стороны совершенно не затрогиваютъ вопросовъ національности и религіи и не питаютъ притязаній на преимущества. Мы всѣ крѣпко связаны съ этой землей, на которой и для которой работаемъ, и цѣли наши совершенно общи.

Также въ нашемъ сосѣдствѣ, хотя и не особенно близкомъ, по ту сторону границы Игуменскаго уѣзда, жилъ и живетъ небезызвѣстный въ Петербургѣ и за границей Яковъ Оттоновичъ Наркевичъ-Юдко, личность котораго, равно какъ разносторонняя, преимущественно научная дѣятельность заслуживаютъ вниманія.

Г. Юдко—владѣлецъ имѣнія Надъ-Нѣмень и смежнаго мѣстечка Песочное. Отъ жилого дома, изящнаго двухэтажнаго каменнаго палаццо, тѣнистый паркъ спускается террасами къ самому Нѣману. Въ имѣніи все изъ камня, все шоссировано, вездѣ проведены телефоны, вообще видно полное довольство и умѣніе распоряжаться деньгами. Радужный хозяинъ, видный и статный мужчина, едва даетъ опомниться гостю съ дороги, какъ уже влечетъ его въ свою научную лабораторію. Чего тамъ нѣтъ?.. Отъ всякихъ электрическихъ двигателей, проводниковъ, батарей просто жутко становится, тѣмъ болѣе, что любезный ученый, несмотря на то, что гость совершенный неучъ въ данной области, немедленно начинаетъ вызывать какія-то искры, токи, трескотню, соединять съ электрическими проводниками ваши руки, лобъ и т. п. «А вѣдь, пожалуй, какая нибудь шальная искра и убить можетъ, здорово живешь», — думаетъ ошеломленный гость. Но страхъ напрасный. Г-нъ Юдко знаетъ, что дѣлаетъ, и, видя смущеніе посѣтителя, громко ручается за цѣлость и сохранность всѣхъ его членовъ. Между тѣмъ понемногу хаосъ нахлынувшихъ впечатлѣній начинаетъ укладываться въ болѣе опредѣленныя формы.

Оказывается, что мы въ преддверіи величайшихъ открытій. Эта фотографія искристыхъ лучей электричества, испускаемаго вашей рукою,—не что иное, какъ первый шагъ, ключъ къ фотографированію характера человѣка.

Эта голубоватая искра, блеснувшая въ полутьмѣ... Нѣтъ! боюсь завратъ, напутать, будучи полнымъ въ электричествѣ невѣждой.

Сидя уже за чаемъ, гость выслушиваетъ содержаніе докладовъ, которые г-нъ Юдко имѣлъ по своимъ работамъ въ Италіи, во Франціи и т. д. (онъ, какъ и вся семья его, положительные полиглоты), разсматриваетъ портреты и біографіи ученаго въ разныхъ заграничныхъ и русскихъ изданіяхъ.

Прислуживаетъ дежурная барышня. Г-нъ Юдко устроилъ у себя нѣчто въ родѣ дамскаго университета. Тутъ его дочери, тутъ

и мои сестры, тутъ и еще нѣкоторыя барышни изъ сосѣдства. Помимо гувернантокъ, Іодко самъ преподаетъ нѣкоторые предметы, опредѣляетъ дежурства, вообще руководить занятіями и научными и хозяйственными. Послѣ чая барышни играютъ польки и вальсы композиціи хозяина, поютъ его же романсы. Мало того, разъ разыграли написанную имъ оперетку. И здѣсь г. Іодко далеко не профанъ. Около 1870 года въ Парижѣ онъ въ качествѣ выдающагося піаниста бывалъ на вечерахъ въ Тюильри. Потомъ неоднократно и съ успѣхомъ выступалъ на публичныхъ концертахъ.

Чай конченъ—гости переходятъ въ библіотеку или гостиную.

— А! правда—вы пиинете стихи... вамъ, вѣроятно, будетъ интересно послушать... у меня этого добра много...—И дѣйствительно, и здѣсь какое обиліе и разнообразіе творчества!

— Вотъ эти поэмы были въ одной редакціи, но не напечатали. Удивительные у васъ тамъ люди. Скажите, пожалуйста, что имъ здѣсь могло не понравиться?

Изъ зала доносится хохотъ и слово «магнетизмъ».

— А, кстати, покажу вамъ удивительную штуку... идемте въ залъ... только потушить всѣ лампы и стоять смирно!

Добродушно улыбающаяся до того хозяйка дома съ испугомъ и укоромъ начинаетъ взирать на мужа.

Ужинъ... пора на покой.

— Вы, вѣроятно, не сразу засыпаете... Я вамъ дамъ мой рукописный романъ... если будете читать внимательно—не пожалѣете. Есть интересныя страницы.

На утро повторные опыты въ лабораторіи, путешествіе по полямъ, гдѣ г. Іодко примѣняетъ электрокультуру, и въ сосновый лѣсъ, гдѣ строятъ домики для санаторіи. Здѣсь г. Іодко будетъ примѣнять электролѣченіе. Наконецъ, ознакомленіе съ метеорологической станціей, которой онъ завѣдуетъ въ своемъ имѣніи. Словомъ первое впечатлѣніе разносторонней дѣятельности хозяина—ошеломляющее. А такъ какъ первое впечатлѣніе самое сильное, и такъ какъ всѣ сосѣди помѣщики, какъ и я, полные невѣжды въ электричествѣ, то г. Іодко поистинѣ можетъ примѣнить къ себѣ пословицу: *nemo propheta in patria sua*. Между тѣмъ за границей, особенно во Франціи и Италіи, онъ положительно знаменитость, да и въ Россіи, въ Петербургѣ, къ его докладамъ относятся очень серіозно; онъ избранъ членомъ института экспериментальной медицины, наконецъ, его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій удостоивалъ его особаго благоволенія и живо интересовался его занятіями. И слѣдуетъ сознаться, что весь этотъ успѣхъ вполнѣ имъ заслуженъ. Когда я потомъ наединѣ разбирался во всемъ, услышанномъ отъ него въ его лабораторіи, то все болѣе и болѣе проникался убѣжденіемъ, что это почти гениальный самоучка электротехникъ, изъ котораго, будь у него практическая

смѣтка, будь болѣе глубокое спеціальное образованіе и благоприятныя условія, могъ бы выработаться второй Эдиссонъ. Я положительно утверждаю (да и не я одинъ, такъ какъ читалъ объ этомъ мелькомъ и въ печати), что слышалъ отъ него нѣчто подобное теоріи х-лучей за нѣсколько лѣтъ до открытія Рентгена, что невнимательно и съ улыбкой скептика слушалъ его увѣренія въ возможности беспроволочнаго телеграфа тогда, когда о Маркони не было рѣчи.

Вспоминаю и многіе другіе намеки на удивительныя открытія, которыя, быть можетъ, составляютъ также только вопросъ времени. Но его аффектація, его разбрасываніе во всѣ стороны, его полное игнорированіе умственнаго уровня слушателя сильно вредятъ ему, производя равно въ кругу невѣждъ, какъ и кабинетныхъ педантовъ, впечатлѣніе крайне невыгодное. «Это не серіозныя пріемы ученаго»,—рѣшили въ Варшавѣ и отвернулись отъ него. Я вполне понимаю этихъ серіозныхъ, добросовѣстныхъ педантовъ. Но не они двигаютъ впередъ знаніе.

XII.

Второй томъ моихъ стихотвореній.—Шумиха.—Цензура.—Господинъ редакторъ завидуетъ мнѣ.—Два мѣсяца крайней нужды.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ послѣдняго возвращенія изъ деревни въ Варшаву я вынужденъ былъ прекратить занятія у Геринговъ. У доктора—потому, что кончилъ переводъ, привелъ въ порядокъ библіотеку, и самъ онъ уѣхалъ отдыхать и лѣчиться за границу. У Сигизмунда—потому, что денежные обстоятельства заставили его на время прекратить научныя занятія и искать службы, которую онъ вскорѣ и нашелъ въ банкѣ. Доходы мои сразу убавились чуть ли не на 90 проц., такъ какъ напечатаніе въ мѣсяцъ пяти-шести стихотвореній въ итогѣ давало 10—20 рублей.

Тѣмъ временемъ вышелъ изъ печати второй томъ моихъ стиховъ, и опять около моего имени поднялась нѣкоторая шумиха, которую при желаніи и пылкомъ воображеніи многіе принимаютъ за подобіе славы. У меня уже были друзья, и поэтому среди рецензій явились и прямо хватившія черезъ край.

Во всякомъ случаѣ я сталъ чувствовать, что въ совершенствѣ овладѣлъ формою стиха. Если въ какой либо редакціи появлялся вопросъ, принять ли мои стихи, то вопросъ этотъ вызывала исключительно цензура: пропустить ли? А поистинѣ это не былъ праздный вопросъ.

Ни смысла, ни желанія ни у кого изъ насъ не было писать стихи, которые могли бы возбудить сомнѣнія цензуры; вѣдь прежде всего подъ такіе стихи не выдадутъ въ редакціи аванса. Да и сами редакторы то и дѣло напоминали: «пишите, господа, пожалуйста, повеселѣе. Никакихъ слезъ! Цензура этого не признаетъ».

И тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ приходилось видѣть цѣлыя гранки набора, перечеркнутыя сверху донизу красными чернилами.

Въ общемъ все было хорошо: друзья, извѣстность, весна. Одно плохо—стало не хватать денегъ даже на хлѣбъ насущный. Я помню одинъ майскій благоухающій вечеръ, когда я, не ѣвшій еще съ утра, не зная, пустятъ ли меня безъ денегъ ночевать на квартиру, появился въ одной изъ наиболѣе богатыхъ редакцій.

— А! это вы! — любезно встрѣтилъ редакторъ и, указывая на меня собесѣдникамъ, полушутливо, полусерьезно замѣтилъ:—вотъ, кто теперь пишетъ лучшіе стихи на польскомъ языкѣ. Вы принесли что нибудь?

Я ничего не принесъ, но просилъ авансъ, хотя бы два-три рубля.

— Не могу, — рѣшительно сказалъ редакторъ: — и не просите лучше. Но вы не спѣшите, выйдемте вмѣстѣ.

И когда мы очутились на улицѣ, онъ, мечтательно всматриваясь въ даль, началъ:

— Знаете ли вы, какой счастливый періодъ вы переживаете? Сколько бы я далъ, чтобы вернуть эти волшебные годы, когда человѣкъ голодалъ, ходилъ безъ подметокъ? Вы этого теперь не цѣните, но потомъ будете вспоминать о настоящихъ дняхъ съ любовью. Я вотъ теперь обезпеченъ, сытъ, съ положеніемъ, а все-таки я вамъ завидую.

Я съ нѣкоторой злобой взглянулъ на его круглое, розовое, самодовольное лицо.

— Быть можетъ, я и буду когда либо охотно вспоминать свои голодные годы,—подумалъ я,—но этимъ сегодня сытъ не буду и, будь я на твоёмъ мѣстѣ, не оставилъ бы тебя голоднымъ.

Положеніе мое шло быстрыми шагами на ухудшеніе. Постоянная работа? Стоило заикнуться объ этомъ передъ кѣмъ либо, чтобы услышать: вѣдь вы знаете того, другого... Все люди съ положеніемъ... Отчего же они васъ не пристроятъ? Они могутъ больше, чѣмъ я. Вѣдь вами занимался самъ Кроненбергъ. Видно, вы не умѣете работать.

Я все переносилъ довольно храбро, обращая въ шутку и не падая духомъ. Но это продолжалось цѣлые мѣсяцы, и я, наконецъ, не видя для себя другого исхода, при первой возможности, покинулъ Варшаву, направляясь въ Петербургъ.

Я помнилъ, что здѣсь въ первый мой пріѣздъ я находилъ для себя работу удивительно легко въ сравненіи съ Варшавой.

И на этотъ разъ случилось то же. Поглощенный заботами насущнаго дня, я съ пріѣзда въ Петербургъ совершенно прекратилъ писать стихи. Да и вообще въ моихъ занятіяхъ литературныхъ послѣдовалъ полный перерывъ въ нѣсколько лѣтъ.

І. Корвинъ-Кучинскій.